

Андрей Ланиус

Дело было во времена застоя...

18+

Андрей Ланиус

Дело было во времена застоя...

«Автор»

2026

Ланиус А.

Дело было во времена застоя... / А. Ланиус — «Автор», 2026

Сказ о том, как доблестная советская милиция ловила жуликов в старое доброе время...Жила - была одна страна...

© Ланиус А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эффективный прораб	5
Темной ночью	17
Разоблачение	26
Человек из льда	32
Друзья Джанджигита	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дело было во времена застоя...

Эффективный прораб

С утра у прораба Фонареева – плотного, губастого, начинающего лысеть мужчины лет сорока зверски раскалывалась голова. Накануне он ездил в совхоз к своей «мертвой душе», получить причитающийся оброк, да и посидеть вдвоем за дастарханом чуть ли не до петухов, так что спать почти не пришлось. Однако ранним утром прораб заставил себя подняться, умылся тепловатой водой с привкусом соли, остервенело вычистил зубы «Поморином», вылил на себя едва ли не полфлакона «Шипра», и собравшись в пружину, все же дал бригадирам руководящие указания, предупредив, что на объект приедет после обеда, поскольку сейчас вынужден срочно заняться документацией. Все это вполне сошло за чистую монету. Отправив рабочих, Фонареев завалился на боковую и спал до полудня. Кое – как продрав глаза, он некоторое время сидел, все еще очумелый, на диване, он некоторое время сидел, все еще очумелый, на диване, затем выглянул в окно. В лагере стояла полная тишина, лишь возле столовой повара Мاستура мыла термоса, готовясь к отправке обеда на трассу.

Вдруг послышался шум мотора, к столовой подъехал обшарпанный, пропыленный насквозь «жигуленок». Вышедший из него незнакомец что – то спросил у Мастуры, и Фонареев сразу же догадался, что именно, поскольку та махнула рукой в сторону его вагончика, куда и направился прибывший. На нем были потертые джинсы, клетчатая рубаша и легкие сапоги. На голове красовалась глубоко надвинутая на лоб широкополая соломенная шляпа. Из машины вылезли еще двое и двинулись следом.

Фонареев быстро оделся, пригладил волосы, глянул в зеркало (ну и рожа!) и вновь обильно освежился одеколоном.

Лесенка уже скрипела под ногами, раздался короткий стук в дверь. В вагончик вошел тот, что в шляпе, двое его спутников остались в лесу.

- Я имею удовольствие видеть прораба Фонареева? – не поздоровавшись, спросил незнакомец. По его бесстрастному тону трудно было догадаться о возможной цели визита.

- Совершенно верно, - с достоинством ответил Фонареев, никогда не забывший, что представляет крупный участок ирригационного треста, осваивающего целинные земли.

- Попрошу вас проехать с нами. Это недалеко.

- Проехать с вами? – удивился Фонареев – А кто вы, собственно, такие?

- Вы ведь были вчера в совхозе? – прежним тоном произнес незнакомец, проигнорировав вопрос прораба.

- Да, а что?

Привыкший за годы прорабства то и дело вступать в самые неожиданные контракты Фонареев безошибочно угадал в собеседнике человека, пользующегося в своем кругу авторитетом. Перед ним стоял мужчина средних лет, очень загорелый, можно сказать – прожаренный солнцем, быстрый в движениях и в то же время сдержанный о чем говорил холодно – притушенный взгляд его бледно – серых глаз.

А не из милиции эта троица? Что если кто – то из своих накапал, что он, Фонареев, держит «мертвую душу»?

Его изворотливый прорабский ум тут же принялся просчитывать варианты.

Что они могут знать? Что он, Фонареев, зачислил сторожем жителя соседнего совхоза Курбана Клычева? Сторож, которому нечего сторожить... Ежемесячно тот получает девяносто рублей, из них пятьдесят отдает Фонарееву. Не такое уж великое преступление, чтобы насыпать на виновника стразу трех милиционеров. Делать им больше нечего, что ли? Сам Курбан не

продаст. Ему, главе многодетной семьи, лишние сорок рублей ого какой приварок! Нет, надо доказывать, что Курбан действительно сторожит по ночам технику. Поди – ка, проверь!

Все это в секунду пронеслось в сметливой голове прораба, так что паузы между фразами почти не было.

- Я бываю в совхозе каждый день, - веско добавил он.

- Поехали, - хладнокровно потребовал незнакомец.

Напрямую до совхоза было километра три. Тот бы хорошо проглядывался бы отсюда, если бы не огромная, тянувшаяся до горизонта земляная насыпь вдоль глубокого дренажного канала. Совхоз – почти что новорожденный – находился на самом острие того клина, что осваивали сейчас в унылой, однообразной степи. Новоселы, как, впрочем, и ирригаторы, терпели все тяготы неустроенного быта – из всех благ цивилизации здесь имелся один – единственный магазин, торгующей даже не каждый день. И ни одного деревца вокруг, кроме неприхотливого, похожего на гнездовье фантастических каракатиц саксаула до бледной, чахоточной акации.

Машина мчалась к ближайшей перемычке в русле канала. Степь была ровной, как стол, без бугров и ям, ее выжженная поверхность, покрытая паутиной трещин, не уступала по твердости асфальту.

Спутники Фонареева молчали, он даже не торопил события, решив про себя, что особых поводов для волнения нет, и уж совершенно недопустимо суетиться, заискивать.

В то же время, внимательно приглядевшись к спутникам, он очень и очень засомневался, что они из милиции, он скорее поверил бы, что эти ребята явились из мест заключения либо находятся в бегах...

Машина проехала по узкой земляной перемычке и остановилась по ту сторону канала. Незнакомец в шляпе выбрался из этой обшарпанной и трясучей колымаги и, дождавшись Фонареева, повел его за собой. Повсюду подымались горы разрытой земли, заслонявшие собой и совхоз, и лагерь. Разбитая, вся в колдобинах колея, хотя была накатанной, но ездили по ней, в основном, вечером – в совхозный магазин. Днем более безлюдного места не сыскать.

Незнакомец молча зашел за поворот и остановился, уперев руками руки в узкие бедра. Прямо на дороге лежало большое синие одеяло – грязное и промасленное.

Нагнувшись, человек в шляпе сдернул его.

У Фонареева потемнело в глазах. На дороге лицом вниз лежал мертвец. Его раскоряченные ноги в грубых стоптанных башмаках казались неестественно огромными.

Не случилось ли беды с кем –нибудь из его подчиненных, была первая мысль. Со страхом и недоумением Фонареев уставился на незнакомца.

Тот невозмутимо выдержал его взгляд и, слегка кивнув, спокойно проговорил:

- Вы его убили.

Смысл сказано не дошел до Фонареева, он обернулся, ища ответа у других. Но и те сохраняли непроницаемые выражения на грубоватых лицах.

- Что вы сказали? – обратился Фонареев к лидеру странной троицы.

- Вы убили его, - бесстрастно повторил тот. Уголки его тонких губ чуть изогнулись, что могло означать и сочувствие.

Остатки хмеля мгновенно испарились из головы прораба, он нервно хохотнул, отвергая саму мысль о столь чудовищном предположении.

- Ерунда! Это...это невозможно! Да бросьте вы!

- Почему же? – его собеседник сощурился, ничуть не теряя уверенности, чем вызвал в Фонарееве еще большее смятение.- В полночь этот человек был жив. Его видели в совхозе. Погиб он именно под колесами машины. А ночью здесь проезжала только одна машина – ваша. Мы это выяснили.

- Арсений, да чего ты перед ним выламываешься?! – вдруг со злостью рывкнул один из стоявших сзади. – Не видишь разве, что это самое настоящее гуано! Тварь! Сейчас он скажет, что и в совхозе сроду не был. У, чмо!

-Погоди, Жора, - спокойно осадил того Арсений. – Он же признался, что был. Мы все слышали.

Фонареев молитвенно сложил руки на груди.

- Да, я был в совхозе и не собираюсь этого отрицать. Но ваше утверждение...Это совершеннейшая дикость! Чушь! - Фонареева переполняло чувство протеста. Ему казалось, что он очень легко сумеет убедить э тих людей в нелепости обвинения, но нужные слов почему – то не находилось и он повторил еще раз: - Чушь...

- Почему же? – усмехнулся Арсений – Вы крепко набрались, как говориться, до чертиков, затем мчались, не разбирая дороги, и даже не заметили, как сбили человека...

- Послушайте, это уже идиотизм!

- Я не утверждаю, что вы сделали это умышленно, - как маленькому растолковал ему Арсений.- Возможно, этот несчастный тоже был пьян и уснул в этой канаве...Скорее всего, вы и вправду не заметили, как переехали его. Но в принципе это ничего не меняет. Вы убили человека.

« А вдруг! – пронеслась шальная мысль. – Вдруг все было именно так». Когда он гнал по ночной степи, ему – то казалось, что он вполне владеет собой, но ведь еще сегодня утром он тихо порадовался, что благополучно добрался до лагеря. Нет, возможно! Он мог не помнить деталей, но такое...Нет, к черту!

Как бы уловив его сомнения, Арсений наклонился над трупом.

- Вот, посмотрите. Здесь и здесь, четко видны следы протекторов. Любая экспертиза легко докажет, что они принадлежат вашей машине.

- Чего зря трепаться, Арсений! – вновь подал голос Жора. – Говори дело и - точка. Нет – будем вызывать милицию.

« Ага, все – таки они не из милиции... Но кто же они – эти странные люди? О чем они толкуют? Даже если представить на миг, что это несчастный, сам будучи пьян, уснул в канаве...»

Он с омерзением ощутил, что его покидает уверенность.

- Не дави, Жора, - откуда – то издалека донеслись до него слова Арсения. – Не видишь, человеку нужно прийти в себя...

Он неспешно заговорил о чем – то, о чем – Фонареев не воспринимал. Не видел он и трупа. Страшным напряжением воли он пытался воспроизвести во всех деталях недавние события...

...Зарплату на участок привезли вечером. Курбан хорошо помнил инструктаж и явился за своим заработком в числе последних. Конечно, проще всего было поделиться здесь же, в лагере, однако еще накануне Курбан шепнул Фонарееву, что приглашает того на ужин, есть, мол, важный разговор. «Хоп! – благостно ответил прораб. – Там и рассчитаемся».

Фонареев хорошо помнил, как въехал на просторный и пыльный двор Курбана, как спешил навстречу, вкрадчиво улыбаясь и прижимая руку к сердцу. Они вошли в мехмонхону, все убранство которого состояло из одеял, подушек и широкой тумбочки. Сквозь ее пыльные стекла, смутно приглядывали расписные – красные, синие с золотом – чайники, пиалы, касы и ляганы. Фонареев опустился на одеяло, по которому были раскиданы маленькие подушки. Сидеть по – восточному он так и не научился и потому лег, вытянувшись вдоль дастархана и подмостил бок две – три подушки.

Принесли чай и сладости. Курбан повел степенную, ни к чему не обязывающую беседу, всем видом показывая готовность услужить гостю, но в его маленьких глазках угадывалась некая назойливая мысль.

Фонареев решил не торопить события. Когда же хозяйка внесла две касы с дымящейся ароматной шурпой (Фонареев знал хорошо, сколь редко готовят в многодетных семьях мясные блюда), стало ясно, что впереди какой – то очень важный для Курбана разговор. Эта догадка еще более окрепла, когда хозяин достал из тумбочки бутылку водки.

С аппетитом глотая жирную – из свежей баранинки – шурпу, Фонареев думал о том, до чего же сноровисты восточные люди на кухне, с каким искусством умеют придавать неповторимый вкус едва ли не любому блюду (общепит, само собой, не в счет). Где только не приходилось Фонарееву ублажать желудок: и в юртах, и в жалких кибитках, и в домах побогаче, и в поистине байских хоробах, и у костра в голой степи – и всюду еда было неподражаемо восхитительна. Каким бешбармаком его угощали в Чимбае! А гушт – тандыр, это божественное яство, которое ему посчастливилось отведать в глухом кишлаке, затерянном в Каршинской степи?! Э-эх...

Курбан по – прежнему вел неторопливую беседу и по- прежнему цепкая мысль таилась в его глазах.

« Ну, народ, - понимающе усмехнулся Фонареев. – Держит ведь, все время держит свое на уме, а скажет не сразу... Восток!...»

Вдвоем они прикончили бутылку. Фонареев лишь вошел во вкус. После наваристой шурпы ему казалось, что он трезв, как младенец. Хозяин было принялся разливать зеленый чай, но Фонареев попросил его выйти во двор и пошарить в бардачке «уазика». Вскоре Курбан вернулся со второй бутылкой, как бы восторгаясь предусмотрительностью прораба и одновременно смущаясь скудностью собственных припасов. Фонареев уже размяк.

- Ну, говори! – осушив очередную пиалу , изволил изречь он.

Вкрадчивым голосом с тысячью оговорок Курбан поинтересовался, нельзя ли помочь одному человеку, его родственнику. Человек он очень надежный. Умеет молчать и будет очень благодарен.

- Подумает... - благосклонно и величественно кивнул прораб.

До этого момента он все помнил прекрасно.

Дальше... ДаО потом они принялись за ароматный зеленый чай, о чем говорили, причем Фонареев что-то назидательно философствовал и даже выкрикивал, хотя Курбан и не думал с ним спорить, а лишь улыбался неизменной улыбкой.

Потом Фонареев отправился к себе – в прекрасном настроении. Приятно грела мысль о второй «мертвой душе»...

Возможно, машину слегка бросало из стороны в сторону. Но сбить человека! Переехать! Стоп! А как же он миновал узкую перемычку, которую и трезвым проезжал с величайшей осторожностью?

... Арсений пытливо посмотрел на него:

- Вспомнили?

- Нет...

- Тем хуже, - картинно опечалился Арсений. – Если преступление совершено в пьяном виде, это считается отягчающим вину обстоятельством. Так говорит закон. Но... - он выдержал многозначительную паузу, -мы не хотим, чтобы у вас были неприятности.

- Кто это – «мы»? – не понял Фонареев.

-Мы выращиваем лук. Здесь, неподалеку...

- А, гектарщики! - догадался Фонареев.

- Это наш человек, - кивнул на труп Арсений. – Несчастный и одинокий человек. Жив- умер – никто не хватится. Зарыть – и дело с концом. Но вы лишили нас пары рук и должны заплатить компенсацию.

- Компенсацию?

- Именно!

- Но... сколько же вы хотите? - одно то, что предметом торга была человеческая жизнь, делало разговор почти мистическим.

Арсений щелчком сбил с плеча пылинку и буднично произнес:

- Шесть тысяч.

- Что-о?

Цена не показалась Фонарееву слишком большой или наоборот слишком маленькой – его не покидало ощущение нелепости, невозможности происходящего.

- Шесть тысяч. - мягко повторил Арсений.

- У меня нет таких денег,- с каким- то облегчением ответил Фонареев.

- Нет, так найди! – истерично выкрикнул Жора.

- Потряси мощну, прораб! – впервые подал голос третий – скуластый, узколобый тип.

- Не вытаращивайтесь, - с ласковой угрозой посоветовал Арсений. – Мы понимаем, что таких в вашем кармане сейчас может и не оказаться, и даем два дня сроку. Поезжайте домой и найдите. Но предупреждаю: шутить с нами опасно. Сейчас вы собственными руками зароете труп вот в эту насыпь. Мы будем следить, чтобы тут не шатались посторонние. Не будет денег, мы заявим, что видели, как вы сбили человека, а затем зарыли труп, пытаясь скрыть следы.

- И не подумаю ничего зарывать!

- Жора...

Фонареев вдруг ощутил легкий укол в бок и , обернувшись, увидел в правой руке Жоры финку.

- Не вытаращивайтесь, мой друг, - снова посоветовал Арсений.- Нам ничего не стоит зарыть здесь два трупа.

Тупо уставясь в окно, за которым тянулся до тошноты знакомый пейзаж – серая степь, устланная грязно – салатовыми колючками, - Фонареев вновь и вновь передергивался от ощущения, которое охватило его , когда он волок по пыли тяжелое, будто налитое свинцом тело. Но всего страшнее было первое прикосновение через клетчатую рубашку к ватноподатливым мышцам погибшего.

Если Арсений прав... Нет, Фонареев по – прежнему не верил в жуткую версию подозрительной троицы. Произошла какая – то чудовищная ошибка. И нужно докопаться до корней: побыть наедине со своими мыслями, еще раз восстановить в памяти ночь до мельчайшей детали. Именно поэтому он и поехал в город, и вовсе не на поиск шести тысяч.

И все же... Если допустить, только допустить, и только на миг, что он сбил человека, то что ему следует предпринять?

Сознаться? Не Арсению, а милиции? В свое время Фонареев знал несколько прорабов и шоферов – когда – то вместе работали, ели – , пили, ругались – братались которые прямо или косвенно были виновны в смерти других людей. И хотя Фонареев полагал , что лишь глупейшее стечение обстоятельств, катастрофическое невезение превратило этих вполне нормальных , самых обыкновенных людей в преступников , он – то чувствовал, что и его отношение к ним переменилось. На них лежала кровь, пусть и невольная. Значит, сознаться и примкнуть к отверженным, к тем, кто до конца своих дней на вопрос анкеты: «Были ли под судом и следствием?» - вынуждены отвечать: «Да, по такой – то статье». Да ведь еще надо и отсидеть, а это не сахар. Особенно для таких, как он, привыкшие к комфорту и независимости.

Второй вариант: все же откупиться. Шесть тысяч. Из чисто спортивного интереса – где оные тугрики взять?

Прораб Фонареев грешен. Всегда он исхитрялся что- то отщипнуть для себя – то « мертвую душу» заведет , то продаст машину « списанных» материалов, по поживиться с кухни участка. Но он никогда не зарывался, если отщипывал – то по крохотному кусочку, клевал по зернышку. Легко « заработанное» никогда не задерживалось в кармане и утекало неизвестно куда. И нередко случалось у него, прораба, начальника крупного участка, дни, когда в кармане

гулял ветер, как у какого – нибудь иногороднего второкурсника перед стипендией. Накопительством он и когда не увлекался ибо в будущее смотрел весьма уверенно. На сберкнижке у него пятьсот рублей отложенных на отпуск. Драгоценностей и облигаций в доме нет. Обстановка в квартире не хуже, чем у других, но и не лучше. Пожелай он продать вещи – кто купит? Кому нужен ширпотреб, которого навалом в каждом магазине? А продавать за полцены – шесть тысяч никак не выручишь. Да и как продать? У него ведь жена! А жена... Нет, она не друг... Не друг.

Конечно, можно занять. Есть же в конторе прорабы, о которых точно известно, что они – ловкие ребята. Кое-кто и дачу построил, и машину купил, и заначку солидную имеет. Хотя и не принято открыто обсуждать такие вещи, а все же знал Фонареев, кто как живет и у кого какая кубышка. По крайней мере, он не сомневался, что у двух – трех прорабов были не деньги – деньжища! Да разве дадут?!

А кто даст? Разве есть у него настоящие друзья, вроде тех, что были когда – то в общезитие, которые могли поделиться последним, или, по крайней мере помочь советом, участием. Ему ведь и посоветоваться нынче не с кем, с ужасом понял вдруг Фонареев. Он один. Один.

И Фонарееву стало тоскливо и страшно. Страшнее, чем тогда, на перемышке, в окружение тех проходимцев.

Нелепостью было ехать сейчас в стройуправление, и все же он поехал именно туда – отчасти по давно выработанной привычке, отчасти подгоняемый смутной надеждой.

Правда, была опасность столкнуться во дворе с Третьяковым, а уж то преминул бы грозно спросить: « Ты что здесь делаешь, почему бросил коллектив? »

Страх не любил Третьяков, когда командиры среднего звена заявлялись с объекта в неурочное время.

К счастью, никто не встретился, и Фонареев потерянно побрел в дальний конец двора, где тянулись гаражи, мастерские и склады.

Еще обходя клумбу, он увидел прораба Агатова. Вот уж про чью ловкость ходили легенды! Агатов был молод, а выглядел так и вовсе мальчишкой – румяные, будто залитые краской смущения щеки, вздернутый нос, легкий пушок на губе, пшеничные волосы – ему бы не прорабствовать, деря глотку, а петь под гитару томные песни в окружение поклонниц балзаковского возраста. Но до чего же обманчива внешность! Под этой располагающей личиной срывался тот еще пройдоха! И частенько полз слушок, что Агатов продал вагон леса, загнал машину угля или провернул какую другую халтурку, но все так и оставалось слухами, ибо не раз Агатов не был схвачен за руку. А то, что денежки у него водились, и немалые, Фонареев знал абсолютно точно. Однажды они где – то славно погуляли, а после направились ловить такси. У Фонареева в кармане не было ни копейки, и он обмолвился своему спутнику.

- Кореш, тебе монетки нужны? – покачиваясь, пропел Агатов. – Этого хватит? – и он принялся вытаскивать из кармана деньги, комкая бумажки в кулаках, а деньги падали на землю и разлетались в разные стороны. Потом подгулявшие прорабы долго ползали на коленях по асфальту и собирали мятые десятки.

Завидев сейчас Агатова, Фонареев решил было поздороваться с ним, перекинуться парой фраз и отправиться дальше. Но неожиданно для себя – у него даже запершило в горле – спросил:

- Послушай – ка! Где раздобыть бы срочно тыщенок пять? – он спросил вроде в шутку, но поймал себя на мысли, что ждет ответа с тайной надеждой.

- Сказать как на духу? – неожиданно тихо и на полном серьезе ответил Агатов.

- А как же еще?

- Так вот, кореш... Мой тебе совет. Даже если очень нужно – потерпи. Сейчас время такое- надо переждать. Сиди тихо-тихо, как мышка.

- А если очень нужно? – сказав это, Фонареев вновь выругать себя.

- Не дури, кореш. – назидательно посоветовал Агатов. – Зажми свои желания в кулак. Надо переждать. Должно же все это когда-нибудь кончиться. Тогда и сделаешь свою пятерку.

- Очень нужно, я бы перехватил у кого –нибудь, - после этих слов Фонареев с ужасом чувствовал, что ныряет в омут.

- А кто тебе сейчас даст? – снисходительно усмехнулся. – Знал бы кого на днях замели...

Фонареев знал (как ,впрочем, многие) , что в республике уже второй год работают следственные бригады из Москвы. Местные баи затаились.

Кроме этого, Фонареев был убежден, что спрашивает из чистого любопытства. Если бы Агатов немедленно выложил ему из кармана требуемую сумму, он бы не взял, разумеется, и все же столь категоричный отказ весьма его расстроил.

Расспровавшись с ловким коллегой, Фонареев прошел к мастерским и, заглянув в одну из них, увидев другого прораба – Чобота, который тоже заметил его.

Вообще-то Фонареев старался держаться от Чобота подальше. Это был человек чрезвычайно язвительный и бесцеремонный. Ему ничего не стоило во всеуслышание заявить, что он думает о том или ином руководителе. На участке Фонареев как раз недавно был случай, когда молодой мастер ошибся в разбивке и повел дренаж, как говорится, не в ту степь. Двести метров прокопали, пока не спохватились. Было шуму!!! И Фонарееву досталось на орехи. За бесконтрольность. АЧобот с тех пор не упускал возможности съязвить.

Нет, не хотел Фонареев общения с Чоботом. Да и зачем? Советоваться? Уж тот насоветует!

Чобот, однако, сам громко окликнул его:

- Здорово, Фонарь! Я слышал, кран у тебя простаивает. Одолжил бы денька на три. Тебе выигрыш – не напортачишь лишнего.

Кран и вправду простаивал, да кто из прорабов признается в этом.

- С чего ты взял?- хмуро ответил Фонареев.

Пришлось – таки войти в мастерскую. Фонареев полез за сигаретами, но пачка была пуста. Чобот протянул ему свою.

Насчет крана они, конечно, не договорились. Чобот перевел разговор на невежество механиков, которым не технику ремонтировать, а клепать кладбищенские оградки. Мало того, что ни черта не умеют, так и на участок не дозовешься, такие вот дамы нежные, понимаешь ли! Ну, ничего. Сейчас он возьмет этих цац за шкурку и повезет с собой, как бы они не упирались рогами.

- А чего здесь околачиваешься? – неожиданно спросил он.

- Надо, - сухо ответил Фонареев и, кивнул, двинулся к выходу.

- Эй, приятель, а сигареты – то верни, - догнал его ехидный голос Чобота – Запаса у меня нет. - Какие сигареты? – удивился Фонареев.

Тот указал пальцем на карман его рубашки.

Фонареев к великой своей досаде обнаружил там пачку «Астры».

- А... Извини... На, держи! Я возьму пару штук, хорошо?

- Бери – бери, такого добра не жалко.

Фонареев вышел во двор, залитый расплавленным солнцем , и ... будто уперся в невидимую стену. Сигареты... Он ведь был уверен, что вернул пачку Чоботу. Ведь он, Фонареев, сейчас совершенно трезв, в здоровой памяти. А в ту ночь...пьяный...О, боже!

Никакие изощренные доказательства его вины не подействовали бы на Фонареева сильнее, чем этот ничтожный случай. Что – то оборвалось внутри. Понутив голову, Фонареев поплелся к воротам, ощущая тупую, саднящую боль. Да, он убил человека и теперь должен пройти изматывающий, безрадостный путь... Какой он дурень, что не откладывал на черный день! Откуда была эта глупейшая уверенность , что ничего трагического с ним не произойдет?

Все стало глубоко безразличным. Он даже не насторожился, увидев у конторы Третьякова.

- А, Фонареев! – окликнул его начальник, подходя ближе. – Это очень хорошо, что ты приехал. – Полагалось бы удивиться, но Фонареев уже не воспринимал события в течении внутренней логики. – Ты вот что, никуда не уезжай до завтра, - продолжал Третьяков.

- А что? – тупо спросил он.

- Цемент наконец – то получили! – радостно воскликнул пан директор – Завтра лично повезешь на участок первую партию. И наверстывай отставания. Я распоряжусь, чтобы выделили транспорт.

- Хорошо, - вяло кивнул Фонареев.

- Дела – то как? – нахмурился пан директор, пристально вглядываясь в прораба.

- Нормально.

- Подчиненный должен перед начальством иметь вид лихой и придурковатый ,,- процитировал бессмертную классику Третьяков – Ты не болен?

- Нет, извините, немного устал.

- Устал – отдыхай. Но чтобы завтра был свеженький, как огурчик.

До дома он добрался со страшной головной болью. Дверь открылась не сразу, он услышал шаги, которые, казалось, приближаются медленно – медленно, и эта неторопливость вызвала сильнейший приступ раздражения. Наконец, дверь открылась.

-Здравствуй, - сказала жена так ровно, будто они расстались утром. – Если хочешь поесть, обед на плите. – в руке она держала книгу. Новеллы Цвейга.

У Фонареева с утра во рту и маковой росинки не было, но есть не хотелось.

- Я чертовски устал, - ответил он, стараясь погасить раздражение.

- Пойди приляг, - она, похоже, даже обрадовалась, хотя они не виделись больше недели.

Жена его точно была не из тех женщин, которые служат героинями анекдотов «Муж в командировке». Он мог приехать домой в любой, самый неожиданный момент, твердо зная, что в квартире чисто, обед приготовлен, везде порядок, а жена лежит ... с книгой на диване. Знал он и то , что особой радости его появление не вызывает. Он даже догадывался, что она скрывает досаду, лишаясь состояния покоя, которое ценило превыше всего. В общем – то такие отношения Фонареева вполне устраивали. Он даже гордился женой: ее приятной внешностью, ее верностью, терпимостью к его мелким грешкам. Женщина – мрамор – такая же чистая и холодная...

Но разве можно открыться ей, попросить помощи, просто сочувствия? Да и что может посоветовать она, прочитавшая гору книг но в житейских вопросах всецело полагавшаяся на него, Фонареева?

Раздевшись, он лег, отвернувшись к стене и закрыл глаза. Но желанное забытие не приходило. Прораб поднялся и потихоньку вышел на лоджию. Здесь лн закурил, свесившись из окна. Луна, ночные шорохи, свежий ветерок...

И тут он ясно понял, что внутренне уже смирился с мыслью, которая до разговора с Чоботом казалась невозможной. Он виновен в гибели человека. Это факт. Но маховик только начинает раскручиваться. Гектарщика к жизни не вернешь. Но ему, ему – то через какие испытания еще предстоит пройти, явись он с повинной! Допросы, камера, молва, потеря престижа и честного имени, осуждения, тяжелая физическая работа где – нибудь на лесоповале, общение с матерыми преступниками, отбросами общества...

А на другой чаше – шесть тысяч рублей, какие – то жалкие шесть тысяч и избавление от ада. Да, но где взять денег? Арсений, Жора, Агатов, Чобот в бешеном хороводе закружили перед глазами.

Постой – ка! А не проще ли бежать? Схорониться где-нибудь - в Сибири, на Севере? Кто станет искать?

Он готов был немедленно броситься на вокзал, в аэропорт, только... Как бежать? Сколько денег у него в кармане? Остатки аванса и доля, полученная от Курбана. Маловато... И потом – документы. Куда бы он ни скрылся, рано или поздно его найдут. Конечно, найдут, алиментщиков и тех находят. Есть, конечно, ловкачи, которые могут обрести новыми бумагами, но у него – то нет подобных талантов. Не выйдет ...

И здесь в бешеном хороводе мелькнуло новое лицо – пан директор Третьяков. Будто зажегся свет во мраке, указывая выход из лабиринта. Цемент! Десятки тонн цемента, которые он должен получить для участка. Цемент, на который всегда есть покупатели. Добудет он эти проклятые деньги и рассчитается. А там – как –нибудь выкрутится.

Опасаясь спугнуть эту смутную надежду, и в то же время несколько успокоившись, он выбросил окурки и отправился спать. Жена в соседней комнате продолжала читать сентиментальные новеллы Цвейга, приставать к ней смысла не было, явно у нее болит голова...

Вдруг он увидел себя в мчащейся машине. У ветрового стекла проступили черты загадочно – спокойного лица Курбана...

- Дай шесть тысяч, - потребовал Курбан.- А то скажу, что цемент продал. И еще – что деньги у меня забирал. Дай шесть тысяч! Дай шесть тысяч! Или твой дом - тюрьма!

- Пошел, дурак! – крикнул Фонареев и резко взял в сторону.

Однако тут же у стекла вновь возникло лицо, но не Курбан, а другой «мертвой души», человека, который расписывался в ведомости на предыдущем объекте.

-Дай шесть тысяч, начальник, - нагло и угрожающе усмехнулся он. – Не то скажу, что деньги брал, опозорю.

Фонареев швырял машину из стороны в сторону, а перед ним появлялись все новые лица – «мертвые души», подписями которыми он пользовался, шофера, отвозившего левый товар, хозяйчики, его покупающие.

Да сколько же грешных людей, изумился Фонареев. Имена многих он забыл, вроде бы забыл и лица, но по некоторым приметам с трепетом убеждался – да, было, было ...

Ему всегда казалось, что он берет по маленькой, редко, все шито-крыто, но сейчас он обомлел: как много тех, кто знает о его червоточинке, кто может вертеть его судьбой так же, как вертит его Арсений. Лица множились, образовалась толпа, редевшая жадно и голодно:

- Деньги! Деньги давай!

Вот толпа замкнула круг, неистовствуя и беснуясь, а он крутился внутри на крохотном пятачке, чувствуя, что стоит остановиться – и накинута, растерзают.

И тут машина рухнула в черную, гигантскую пропасть...

Фонареев сидел на кровати, не в силах унять нервную дрожь. Сколько же этих людей и слава богу, что он могут собраться вместе только во сне! Он бросился к окну за глотком свежего воздуха.

Значит, нет выхода? Значит, все равно идти под суд, только по другой статье? Ведь не спишешь безнаказанно такую гору цемента. Обязательно кто – то настучит, заложит, продаст...

Память, будто насмехаясь, нашептала фамилии других знакомых прорабов, которых судили за растраты и хищения. И сроки им вкатили – куда там шоферам, совершившим наезд!

Да, за наезд с него, может и не спросят слишком строго. Нелепость. Случай. И уж, наверняка, сотрудники будут жалеть его, сочувствовать. Ведь бывало подобное с известными людьми – артистами, музыкантами, футболистами. Даже в кино оказывали, в газетах писали. Несчастный случай... Больно, тяжело, но люди терпели наказание и вновь возвращались к своей работе.

А если он продаст цемент... Его тоже будут судить. Но никто не пожалеет и не посочувствует ему. Скажут, что он – жулик и вор, что он обкрадывает государство, набивал кошель – вечный позор на его голову! Прораб Чобот брякнет: «Ворюг надо травить, как крыс, я всегда говорил!» Притом, пока идет следствие, глядишь, выяснится и про Курбану, и про других.

Постой-ка, сказал себе Фонареев. Что-то ослепительное прояснилось в нем.

Как же это так получилось, что он, прораб Фонареев, человек неглупый, прогрессивных взглядов, полноправный гражданин, дипломированный инженер, стоит сейчас и рассуждает, по какой статье идти ему под суд? Как случилось, что многие последние годы он жил мелкими, ничтожными заботишками, низменным расчетом выгадать на бутылку? Отчего он превратился из перспективного инженера в нерасторопного и вороватого снабженца? Почему в его жизни нет человека, которому можно было открыть душу? А ведь были когда –то друзья, и прекрасные мечты, и желание работать не щадя сил, и эти самые силы, и способности. Все было. А спроси-ка сейчас его, специалиста, окончившего один из самых престижных технических вузов страны: что такое интеграл? Ответит он толком?

Какая – то важная, непрестанная работа шла сейчас в его сознании. Он будто пробудился от долгой спячки, будто просмотрел видеозапись собственного бессмысленного существования и ужаснулся - как же он жил? Да разве стоит жалеть о такой жизни? И за эту унылую тяготию он собирается бороться?

Ну раз так... Раз он чувствует, что бродят еще в душе соки и требуют выхода, отчего бы не попробовать? Он переиначит свою жизнь. Он не станет более ловчить и хитрить. Завтра же он явится с повинной и – «Делай, что должно, и будь что будет». Он сумеет начать жизнь с чистого листа, жизнь достойного человека...

Так хорошо, так светло и чисто сделалось на сердце, что Фонареев тихо заплакал. И ему казалось, что вместе со слезами выходит вся скверна из его ожившей души.

Утром, взбудораженный бессонной ночью, подарившей ему прозрение, он вышел из дома с твердым намерением исполнить задуманное. Только спокойно, сказал он себе. Достойное решение нужно выполнить достойными средствами. Сначала нужно завершить кое-какие дела, чтобы потом никто не поминал его недобрым словом.

Во-первых, надо доставить на участок цемент, организовать бригадам фронт работ, чтобы ребята хорошо заработали. Во-вторых, надо заставить Курбана написать заявление об увольнении. Да и Арсению с друзьями, этим дешевым шантажистам, стоило бы ответить по-мужски.

С этими мыслями шел он, поглядывая по сторонам. Тенистая аллея, газетный киоск, мальчик с мороженым, женщина с коляской – кто знает, когда он увидит все это снова. Он на пороге новой жизни, полной ограничений и лишений, но надо пройти и через это...

Он добрался до конторы, сделав по пути тысячу открытий, впервые оценив и прелесть деревянного домика в глубине извилистой улочки, и островок зеленой травы над арыком, и спокойную голубизну неба, и напряженный, неспящий ритм города... Сколько прекрасных вещей на свете, отчего же он в упор не замечал и раньше!

В глубине двора он увидел Третьякова.

- Я готов, -сказал ему Фонареев тихо, но с таким значением, что тот пристально и даже удивленно посмотрел на прораба.

Затем патрон распорядился:

- Иди на склад, КАМАЗ уже под погрузкой. Остальное отправим в течение недели. – Третьяков давал еще какие-то указания, а Фонареев с блаженной улыбкой кивал. Конечно же, он организует работу на высшем уровне. Пусть ребята вспоминают его добрым словом. Он еще вернется к ним. Вернется, очистившись от фальши, что стало его второй натурой.

Через полтора часа емко груженный КАМАЗ с прицепом выехал из ворот и вскоре оказался на шоссе. Промелькнули пятиэтажки микрорайона, жмущиеся к ним деревца. Потянулась жаркая, бесцветная степь с ее солончаками и колючками, вглубь которого вела черная лента дешевого асфальта с проплешинами.

Поначалу Фонареев, погруженный в свои мысли, не обращал ни малейшего внимания на водителя, лишь машинально отметив, что тот, видимо из новых.

Высунувшись в открытое окно, Фонареев курил, размышляя, каким же образом все устроится и сколько времени понадобится, чтобы закончить все приготовления.

... такое богатство возем, как бы не потерять мешок – другой по дороге, - донесся откуда-то издали голос шофера.

-Чего?- хмуро отозвался Фонареев, досадуя, что ему помешали.

Да вот, говорю, такой дефицит возем, что, к примеру, свистни – охотник сами сбегутся, - неприятно хохотнул водитель.

Повернувшись, Фонареев посмотрел на своего спутника внимательнее. Это был мужчина его лет, черный, худой, весь будто из пружин, со смуглым, заросшим щетиной лицом, жгучими усами и не менее жгучими глазами. Фонареев безошибочно определил, что он из породы хватких, из тех, от кого он тогда инстинктивно старался держаться подальше.

- Как тебя зовут? – продолжал хмуриться, спросил Фонареев.

- Тимуром кличут, - доверительно сообщил тот.

- Дорогу знаешь, Марат?

- Как свой карман!

- Вот и езжай, - Фонареев вновь закурил, не желая окунуться в суе.

Тяжелый грузовик бежал плавно, несмотря на дефекты дороги, лишь на самых глубоких выбоинах его гулко подбрасывало. После одной из таких встрясок Фонареев почувствовал смутную тревогу. Вся решительность, которую он обрел нынешней ночью, желание начать новую жизнь медленно, но необратимо улетучилось. Усилием воли он пытался овладеть ситуацией, но крепки вались.

« А почему бы и нет? – подкралась соблазнительная мыслишка. - Почему бы не откупиться, а уж после начать с чистого листа? »

Разве обязательно терпеть годы лишений, страдать? Главное – он осознал необходимость перемен. А с цементом как-нибудь выкрутится. Составит аки, что в результате, скажем, неожиданного ливня часть цемента намокла и пропала. Пусть его накажут за ротозейство, пусть вычтут из зарплаты – это тоже искупление...

Фонареев искоса взглянул на Марата, убеждая себя, что ненавидит его за то, что двумя фразами он разрушил его возвышенные планы. И почему ему не попался другой водитель, какой-нибудь честный малый, глядишь, он, Фонареев, и сумел бы устоять!

А Марат будто и не сомневался в ином исходе.

- Вообще-то, начальник, знаю я здесь одного.... Возьмет в любом количестве и за ценой не постоит.

« Но почему он так уверенно обратился ко мне? Именно ко мне? Что если его осадить? Резко и определенно... »

И тут Фонареев подумал, что осуждение, которого он так опасался, возможно уже состоялось. Скорее всего, среди рабочих, давно существует мнение, что он, прораб Фонареев – жуликоватый тип, казнокрад и взяточник, думающий лишь о своем кармане, и чего бы он нынче не вытворял, никто не поверит в его якобы перерождение. От его недавней решимости не осталось и следа.

Впереди показалась развилка.

- Сворачиваем? – утвердительно спросил Марат.

Фонареев промолчал.

Неожиданно, как мираж, впереди вырос большой поселок, надежно защищенный от зноя и ветра дружно поднявшимися деревьями.

Попетляв по широким улицам, Марат остановил машину и, хитро подмигнув, спрыгнул на землю, уверенно толкнул массивную калитку. Вскоре он вернулся с плотным бритоголовым человеком в полосатых пижамных штанах и каушах на босу ногу. Цепким взглядом окинул машину, бритоголовый кивнул Фонарееву.

- Забираю всю партию.

Фонареев вяло махнул рукой. Его охватила полная апатия.

Тут же словно из-под земли появились пять дюжих молодцов, которые принялись бойко таскать бумажные мешки в дом. Человек в пижамных штанах понаблюдал за работой, затем пригласил Фонареева в дом.

Все последующее Фонареев воспринимал как во сне.

Хозяин совал ему деньги, приговаривая:

- Хорошая цена, настоящая цена. Еще привезешь – возьму.

Если бы он дал Фонарееву рубль, то бы не стал торговаться. Его тошнило в доме и, отказавшись от чая, он вышел на улицу. Разгрузка была в самом разгаре.

Фонареев, чувствуя себя лишним, побрел по улице. На ближайшем перекрестке его окликнули.

Повернув голову, он увидел два милицейских «уазика». Чуть впереди стоял рыжий старший лейтенант, иронично усмехавшийся.

Фонареев покорно направился к нему и, следуя жесту, сел в машину.

Рядом толпилось с полдюжины милиционеров.

- Ждали одну пташку, а попалась другая, - сказал один из них.

- У нашего барыги целая сеть поставщиков – ответил старлей, - Слетаются...

Тупое оцепенение не покидало Фонареева. А милиционеры переговаривались, не обращая ни малейшего внимания на задержанного.

- Неужели убийство? – спросил кто-то, возвращаясь, видимо, к прерванному разговору.

- Нет, ребята, - возразил старший лейтенант. - Бедолага попросту упился до смерти, экспертиза установила точно. Сам-то он, видать, из бомжей. Ну а собутыльники, ясное дело, перепугались, как бы в свидетели не угодить, вот и закопали его в насыпь. Словом, подкинули ирригатором подарочек...

Все с удивлением повернулись на отчаянный вопль, вырвавшийся из груди задержанного.

Мойру Лахесис не обманешь!

Темной ночью

Инспектор Саксонов вышел на крыльцо строительного управления. Он увидел просторный двор, залитый утренним солнцем, гаражи, мастерские, бетонный забор, кирпичную стену соседнего склада. В стороне от крыльца росло с полдюжины невысоких, но ветвистых деревьев. Здесь же была устроена курилка: две простенькие скамеечки из шершавых досок и наполовину врытая в землю столитровая бочка без верха — для окурков. Сейчас в курилке собралось с десяток человек. Со многими Саксонов уже успел познакомиться, — это были в основном прорабы, приехавшие с участков для сдачи отчетной документации. О чем толковали, догадаться было нетрудно — о позавчерашней краже. Тут же стоял и Зуев.

— Сергей Иванович! — позвал его Саксонов. — Можно вас?

Зуев вскинул массивную, как у античной скульптуры, голову, затянулся, бросил едва не целую сигарету в бочку и подошел, дружелюбно улыбаясь. Был он на голову выше Саксонова, едва не вдвое шире в плечах, а фигурой походил на штангиста полутяжелого веса, который недавно покинул помост и начал обрастать жирком.

Инспектор тронул его за загорелый локоть и повел за собой к тому месту, где влажно темнела глухая кирпичная стена. Здесь были сложены фигурные железобетонные плиты, дул приятный ветерок. Саксонов завел прораба за штабель этих плит, и они вдвоем сразу же оказались как бы в засаде. Им был отлично виден и двор, и люди, снующие по территории, и контора, их же не мог видеть никто. Лучшее место для разговора с глазу на глаз трудно было найти, а Саксонов, видимо, стремился именно к уединению. Зуев, не посвященный в планы инспектора, следовал за ним с некоторым недоумением, которое он все же счел нужным прикрыть широкой общительной улыбкой.

— Сергей Иванович... — проговорил наконец Саксонов с видимым напряжением, — помогите уточнить одно обстоятельство... — Он не требовал — просил.

— С удовольствием. — Зуев достал из кармана пачку сигарет, протянул инспектору.

Тот отрицательно покачал головой.

— Когда именно вы вернулись из командировки? Вы помните?

— Из командировки? Видите ли... Командировка — не вполне точно сказано. В Райцентре я работаю практически постоянно. Вот уже два года. После открытия газового месторождения работы там хватит и нам, и нашим детям, и даже внукам. А здесь, в городе, напротив, бываю наездами — отчетность, документация, заявки. Ну, и, естественно, семью повидать... — Зуев снова широко улыбнулся. У него были удивительно белые и ровные зубы. — Но это так, к слову. А если по сути вашего вопроса, то приехал я позавчера.

Тень от плит падала на Зуева, и от этого его вишневые глаза казались еще темнее, а загорелая здоровая кожа еще более смуглой. Саксонов, напротив, стоял на солнце, — и оттого его бледно-голубые глазки выглядели бесцветными, а соломенные брови — выцветшими. Он молчал, словно не зная, что же спрашивать дальше.

— Выходит, семья не с вами?

— Райцентр не такое место, куда можно везти семью.

— Но все-таки два года...

— Привыкли. Жена работает в научно-исследовательском институте, руководитель группы. Дочка с шести лет занимается спортивной акробатикой. Имеет, между прочим, второй взрослый разряд. Все налажено, зачем же и ради чего срываться с места? К тому же в Райцентре я бываю... ну, чуть чаще, чем здесь, в управлении. Мы, монтажники, — бродяги, кочевники. Основная работа — в степи, в пустынях, одним словом, в местах безлюдных. Коллектив сугубо

мужской. Живем в вагончиках, сами себе готовим в порядке очередности... Так что... — и он пожал плечами, как бы давая понять: «А не лучше ли вам, инспектор, заняться делом?»

— Ну, хорошо. Итак, вы приехали двадцать пятого?

— Совершенно верно. Двадцать пятого, в семь утра.

— Поездом?

— Да. Однажды просидел из-за непогоды в аэропорту трое суток — почти все свои отгулы. С тех пор предпочитаю поезд.

— Итак, вы приехали поездом в семь утра. Что было дальше?

— На вокзале перекусил и — в управление. Я ведь вам уже говорил.

— Во сколько были в управлении?

— Без пяти девять, — быстро ответил Зуев. — Я запомнил точно, потому что как раз подъехал автобус с сотрудниками. Поднялся в технический отдел, покалякал минут десять с Васиным и только успел раскрыть папку, как снизу послышался страшный шум. Прибегаем — ужасная картина. Дверь в кассу взломана, сейф разворочен... Мерзавцы! Что я скажу своим рабочим, когда вернусь в Райцентр? Они ждут зарплату.

Саксонов понимающе кивнул.

— Значит, сначала дела? Дом, семья, дочка — все после?

— Так удобнее. Если в первый день дашь себе поблажку — расслабишься и проканителешься потом целую неделю, толком не отдохнешь.

Тут он наконец сунул сигарету в рот и чиркнул спичкой.

— «Космос» курите? — поинтересовался Саксонов.

— Балуюсь иногда. Если есть... А так в основном — «Прима».

Он вновь чиркнул спичкой и чертыхнулся, так как сигарета не раскуривалась.

— Дырочка у вас, — тихо, но каким-то особым тоном произнес Саксонов.

Зуев посмотрел на него, приоткрыв от неожиданности рот.

— Что?

— Я говорю, дырочка около фильтра, оттого и табак не горит.

— А-а... спасибо, не заметил.

Он швырнул сигарету в сторону, взял другую и, закуривая, посмотрел на массивные электронные часы:

— Так я вам больше не нужен? А то из-за этой кражи и с отчетами задержка.

— К сожалению, Сергей Иванович, разговор наш только начинается. Дело в том, что позавчера вы никак не могли попасть в управление к девяти утра, если ехали по железной дороге. По той простой причине, что поезд из Райцентра опоздал на три часа, — и инспектор вздохнул, словно сожалея, что этот симпатичный мужчина попал в такое неловкое положение.

Зуев бросил на Саксонова быстрый, внимательный взгляд: на его выпуклый лоб, пшеничные волосы, строгие бледно-голубые глаза — на всю худощавую фигуру.

— Так как же? — ненавязчиво напомнил инспектор.

— Артем Владимирович...

— Вадимович.

— Извините... Артем Вадимович... Н-да... Вот как получилось... — Зуев в смущении потер левую бровь. — Ну, что ж, упираться не стану. Не ехал я этим поездом. Прилетел самолетом.

— Двадцать четвертого?

— Да... Двадцать четвертого. По сугубо личному делу и, естественно, распространяться об этом не стал, чтобы не мутить вашу же воду.

— Спасибо за заботу, — Саксонов был невозмутим. — Однако меня весьма интересует, где вы были в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое. Даже если это ваше сугубо личное дело.

Сконфузившийся Зуев посмотрел на инспектора с опаской, как если бы тот показал, что умеет излучать электрические разряды.

— Ну так что же? — напомнил Саксонов. Зуев неопределенно пожал плечами.

— Двадцать четвертого у меня в Райцентре выдался сумасшедший день. Сплошная беготня... Даже поужинать перед самолетом не успел. И когда в восемь вечера мы наконец приземлились, я чувствовал себя выжатым, как лимон. Да и полеты я переносу плохо. Решил зайти в ресторан, немного взбодриться. Выпил сто граммов

коньячка, и так мне стало хорошо... Решил повторить и поужинать заодно. Домашних я обычно о приезде не предупреждаю... и тут... одним словом, вы как мужчина, должны меня понять... Я уже лет десять веду жизнь степного кочевника, все время на колесах... Словом, смотрю за соседним столиком сидит интереснейшая женщина. Одна. Ну, предложил ей объединиться... Она не возражала. После ужина поехали к ней. Легкомысленно, конечно, но... — он пожал плечами, мол, маленькая слабость, с кем не бывает!

— Адрес своей случайной знакомой, надеюсь, не забыли?

— Что вы! Какой адрес! Я здорово набрался. Да еще мы прихватили с собой бутылку коньяка... В такси целовались... До дороги ли было!? — и он искоса мельком посмотрел на Саксонова, словно прикидывая, доступно ли этому сухарю понимание подобных шалостей.

— Хорошо. Но утром, уходя от нее, вы, видимо, поинтересовались, где находитесь?

— Какой-то новый микрорайон. Их сейчас столько понастроили! Пятиэтажный дом рядом с дорогой, журнальный киоск... К тому же ушел я рано, еще не рассвело. Знаете, не по себе стало... Было не больше четырех утра. Остановил такси. В машине сразу же уснул.

— Куда же вы поехали на такси?

— Досыпать, в аэропорт. Домой в таком виде показываться не хотелось. Дочка у меня почти взрослая... Продремал в кресле до рассвета... И в управление.

— Так. Выяснили, что вы летели самолетом. Однако зачем вам понадобилось покупать билет еще и на поезд? Я говорю о билете, который вы сдали в бухгалтерию вместе с авансовым отчетом. Тратить лишних пятнадцать рублей... Зачем?

— То есть... — все что мог выдохнуть из себя прораб.

— Зачем вам нужен был второй билет? — повторил Саксонов.

Зуев повел плечами, как бы пытаясь сбросить с них груз, взваливаемый этим вежливым инспектором. Усилие ему удалось, он даже улыбнулся.

— Артем Вадимович... Н-да... Ну, хорошо! Я вам сейчас расскажу все, как было.

— Именно, как было, — очень серьезно произнес Саксонов.

— Д-да... Но прошу — все, что я расскажу, должно остаться между нами. К краже, как вы сами увидите, это не имеет ни малейшего касательства, а мне может основательно повредить.

— Мы с вами одни, — ответил Саксонов. — Протокол я не веду, магнитофон нигде не прячу. Более того. Впоследствии вы вольны отказаться от всех своих слов. Но сейчас мне нужен честный рассказ о том, где вы было той ночью.

— Я почему-то верю вам... — Зуев поджал крутой подбородок. — Словом... Здесь, в городе, у меня есть женщина. И в каждый свой приезд я бываю у нее. Потому и покупаю два билета. Второй — железнодорожный — сдаю в бухгалтерию. А как же иначе? В нашем доме в тридцати квартирах живут работники управления. Все знают друг о друге все. А я дорожу семейным покоем, люблю дочь... Так что поневоле приходится комбинировать.

— Это все, что вы хотели сказать? — довольно равнодушно спросил инспектор.

— Больше мне добавить нечего...

— И вы утверждаете, что ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое провели у своей знакомой?

— Да! — энергично кивнул Зуев. Верхняя губа у него заметно подрагивала. — И... я бы не хотел вмешивать ее в эту историю.

Саксонов усмехнулся:

— А знаете, Сергей Иванович, не опаздывал поезд двадцать пятого числа. Пришел вопреки обычаю точно по расписанию...

Любоваться произведенным эффектом инспектор не стал, а только нахмурил брови, о чем-то напряженно размышляя.

Зуев побагровел.

— Кажется, у вас это называется — взять на пушку? Ну, что же, ловко! Не ожидал.

Саксонов, казалось, был смущен этой неожиданной похвалой.

— Признаюсь — слукавил. Слукавил... — В его голосе послышались брезгливые нотки.

— А что прикажете делать? Ведь вы тоже слукавили, Сергей Иванович. И продолжаете...

— Я? Я, собственно... я ведь объяснил — не хотел других людей вмешивать. И потом — это мое личное дело. Личное!

Саксонов не возражал.

— Знаете. Артем Вадимович, — крикнул Зуев, — мне почему-то кажется, что если бы вы проявили столько же изобретательности, расследуя кражу, грабитель был бы уже давно найден.

— А он и так найден.

— Да!? — изумился Зуев. — Поздравляю! Но тогда... тогда я вообще ничего не пойму. Зачем этот допрос?

— Это не допрос. У нас просто откровенная беседа, — мягко, как шалуна, успокоил его Саксонов. — Так вот, о грабителе. Это некто Блажевич. Двадцать шесть лет, три судимости. Образование — среднее, интеллект — пожалуй, ниже среднего. Между нами говоря, туповатый парень. Но хитрющий. Как зверь. Фотографию хотите посмотреть?

Зуев неопределенно хмыкнул.

— Вот, полюбуйте, — Саксонов достал из блокнота снимок — Злодей? Однако вот что он нам рассказал. Ну, о том, как он вышел на кассу, вам слушать, наверное, неинтересно... Место ему понравилось. Отдаленная промышленная окраина, ночью здесь безлюдно, контора в глубине двора, с одной стороны — склад, с другой — подстанция, с тылу — огороды, сторожика — древняя старушка. В ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое он проник на территорию управления. Попасть внутрь здания оказалось очень просто — окна второго этажа на ночь не закрываются, к тому же с тыла к стене примыкает вагончик-столовая.

— Все дело в железной крыше. Жара, — объяснил Зуев. — Если окна закрыть на ночь, в девять утра в отделах будет настоящая душегубка, вот и оставляют...

— Блажевичу это оказалось на руку. Итак, в ночь на двадцать пятое он незамеченным пробрался через окно в технический отдел. Было около полуночи. Блажевич уже достал из кармана набор отмычек, чтобы открыть дверь, ведущую в коридор... А вот дальше начинается самое интересное. К его удивлению, дверь оказалась незапертой. Тупой парень. Он решил — забыли закрыть. А человек посмышленнее на его месте призадумался бы. Тихо ступая, Блажевич прокрался по коридору почти до лестницы, как вдруг услышал, что кто-то осторожно подошел к ней снизу. Блажевич бесшумно отступил в холл, притаился.

В холле второго этажа царила крошечная темнота, коридор же пересекала широкая световая дорожка, которую бросал через окно прожектор наружного освещения. Кто-то поднялся по лестнице. Блажевич затаил дыхание.

Саксонов сделал паузу. Зуев стоял навтыжку, не шелохнувшись. Ему вдруг показалось, что из бледных зрачков инспектора на миг выглянул другой человек — всезнающий, насмешливый — выглянул и снова спрятался.

Из своего темного угла Блажевич увидел человека с портфелем в руке. Незнакомец пересек световую дорожку, дошел до технического отдела и прикрыл за собой дверь. Затем все смолкло. И тут простофиля Блажевич понял, что его опередили. Но кто?

— Да врет ваш Блажевич! — убежденно воскликнул Зуев. — В наглуую врет! — глаза его лихорадочно блеснули.

— Вы думаете?

— Конечно! Деньги у него. Где-то спрятаны. А несуществующего конкурента он выдумал, чтобы морочить вам голову. Деньги у него! Нажмите хорошенько — признается ваш Блажевич!

— Спасибо за совет! — не скрывая иронии, ответил Саксонов.

— Извините...

Саксонов убрал фотографию.

— А что если Блажевич не врет?

— Тогда, — загорячился Зуев, — получается какое-то сверхсовпадение, невозможное по теории вероятности.

— Так-то оно так... Однако есть в этом деле любопытная деталь. Я вам говорил о дорожке лунного света в коридоре. Неизвестный пересек ее в секунду, но для Блажевича этого было вполне достаточно. Память у него цепкая, так что нам не представляло особого труда сделать по его описанию портрет... Каково же было наше удивление... — он замолчал и пристально посмотрел на Зуева. — Теперь, надеюсь, вы понимаете, Сергей Иванович, что наша беседа отнюдь не лишена смысла?

— Я не понимаю, когда вы шутите, а когда говорите серьезно. — У прораба зуб на зуб не попадал, он заметно побледнел.

— Какие уж там шутки! — негромко отозвался Саксонов. — Вас видел Блажевич в коридоре, вас, Сергей Иванович...

— Врет он! Врет! — с неподдельной яростью воскликнул Зуев.

— Увы! Ранее Блажевич не был с вами знаком, а портрет получился точным. Можно вполне правдоподобно выдумать какую-либо историю, но нельзя в точности выдумать реально существующее человеческое лицо. А в двойников я не верю... Впрочем, я вам устрою очную ставку с Блажевичем. Пойдемте! — и инспектор потянул Зуева за руку.

Прораб порывисто дернулся, кожа на лице сделалась бугристой, волосы слиплись от пота.

— Погодите... постойте... — левой рукой он рванул ворот рубахи, хотя та была расстегнута на две верхние пуговицы. — Словом... Да, я был ночью в конторе, был. Но дочерью клянусь, я не брал денег, я даже не знал, что они получены! Деньги у Блажевича, говорю вам!

— А теперь слушайте внимательно, — сказал инспектор. — Все про Блажевича — выдумка. Нет никакого Блажевича. А показал я вам фотографию рецидивиста по старому делу.

Зуев судорожно глотнул воздух.

— Я не был в кассе!

— Возле кассы найден окурочек сигареты «Прима». Я ведь не случайно спросил у вас, что вы обычно курите. «Прима», разумеется, не редкость, но дело в том, что найденная сигарета изготовлена на Тбилисской табачной фабрике. В нашем городе сигарет этой фабрики нет, а вот в Райцентре — сколько угодно. К тому же на окурке — отпечатки ваших пальцев. Далее. На вас серые брюки. Ниточки такой же ткани обнаружены на взломанном сейфе. Вам известно, что такое метод газовой хроматографии? Есть и другие улики.

— Но я не был в кассе! Я не был нигде, кроме бухгалтерии! — казалось, с прораба в секунду сошел многолетний загар.

— Слушайте, Зуев! — горячо выговорил Саксонов. — Я думал, вы умнее. В течение десяти последних минут я трижды давал вам понять, что мне известно больше, чем вы предполагаете. Я думал, вы поймете, что лучше самому сказать правду. Даю вам последний шанс. Но учтите! Малейший намек на ложь, ничтожнейшая попытка вывернуться — и мы переходим на принципиально иные отношения. — И добавил, не в силах сдержаться: — Попробуйте быть мужчиной, черт возьми!

Зуев как-то весь сжался и неожиданно громко всхлипнул.

— Некоторое время назад мне срочно понадобились деньги. Как раз был конец месяца — срок сдачи нарядов. Ну, а все наряды с участка проходят через мои руки... Не знаю, как у меня хватило духу, но... я решился на приписку...

— «Мертвые души»?

— Да.

— Продолжайте.

— Поймите меня правильно. Я действовал в силу обстоятельств. И потом эти деньги я все равно вернул бы. Сэкономил, скопил, перезаянял, но вернул бы. Я это твердо решил...

— Итак, вы вписали в табель «мертвые души»... Что было потом?

— Получить эти деньги мне было довольно просто, ведь зарплату на участок привожу из управления тоже я. А примерно через месяц — в мой следующий приезд — ко мне подошел полный мужчина средних лет и назвал себя сотрудником органов. Он сказал, что о приписке ему все известно из анонимного письма, что он проверил факты и те подтвердились. Дело это, сказал он, подсудное, и у меня могут быть крупные неприятности. И завуалированно намекнул на взятку.

— Человек, представившийся вам сотрудником органов, показывал удостоверение?

— Н-нет. Да мне и в голову не пришло бы требовать у него документы.

— Продолжайте.

— Я здорово перепугался. Под угрозой оказались моя карьера, репутация, честь. Слишком дорогая цена за одну ошибку. Я бы откупился, но где взять деньги? Снять с книжки? А как объяснить жене? Занять? Такую сумму? Нереально. Еще раз приписать? — Зуев вытер мокрый лоб тыльной стороной руки. — Но больше всего страшила возможная реакция моих монтажников, всплыви эта история. Как бы объяснить... На трассе мы одной пылью дышим, из одного котла едим... Нет, мне не простили бы... Я ночей не спал... И постепенно возникла мысль — похитить тот проклятый наряд, уничтожить, как будто его и не было.

— Пойдите. Вы — опытный производственник. И должны были понимать, что все равно останутся банковские документы, которые вам изъять невозможно.

— Так-то оно так... Но моей рукой заполнен только наряд. Пойди докажи потом, я его заполнял или какой-нибудь мастер.

— Вы хотите сказать, что эта приписка в табеле была вашим единственным грехом?

— Дочкой клянусь! — Зуев приложил широкую ладонь к груди. — Да если бы за мной много чего было, разве стал бы я рисковать из-за одного наряда. Проверьте документацию.

— Ну, хорошо. Вернемся к ночи на двадцать пятое...

— Я все рассчитал. Прилетел последним рейсом. До промзоны добрался автобусом. Было около одиннадцати. Там есть тропинка, что вдоль забора лесосклада выводит к тылу нашего управления. Перемахнул через забор в самом темном месте, взобрался на крышу вагончика, а оттуда — в техотдел. Остановился у окна и простоял минут пятнадцать молча. Так мне странно стало. Не страшно, а именно странно. Полное ощущение нереальности происходящего. Как будто мне все это снится... Я был один во всем здании. Это я знал точно, потому что входная дверь запирается на ключ снаружи, а сторожика обычно дремлет в будке у проходной.

Дверь я открыл запасным ключом, который висит в кабинете за шкафом. В бухгалтерию попасть и вовсе просто — надо дернуть на себя обе створки двери. Ну, а стеной шкаф с документацией я открыл отверткой...

Когда выбрался на дорогу, посмотрел на часы — прошло всего сорок минут. Автобусы еще ходили, но я пешком добрался до кольцевой автодороги и остановил попутную...

— Куда же вы направились?

— Сначала в аэропорт. Там взял такси и — к Наташе. Ну, словом, к той самой женщине, о которой я вам говорил. Она действительно существует, хотите вы этого или нет...

— Вы давно с ней знакомы?

— Месяцев пять.

— Где познакомились?

— Зимой в ресторане... Мы как раз получили премию за крупный объект, ну, и по традиции... Я тогда был хорош. А стоит мне чуть перебрать — становлюсь ужасно болтлив, агрессивен, строю из себя графа Монте-Кристо. Хотя в общем-то это действует... Вот и тогда. Заприметил хорошенькую женщину, пригласил танцевать, наплел с три короба. Она удивлялась, смеялась...

— Простите за нескромность, какой характер носили ваши отношения?

Зуев криво усмехнулся.

— Была у меня поначалу кое-какая заначка. За неделю улетело все... Я ведь из-за Наташи и пошел на эту проклятую приписку. Нам было мало этих редких встреч. Вот я и решил устроить праздник любви, что ли... Пригласил Наташу на две недели в Райцентр. Она сначала отказывалась, потом согласилась. Подразумевалось, конечно, что финансировать поездку буду я. А у меня — пустой карман. Ну!? Раз в жизни мог я рискнуть или нет!? Тем более, что деньги я бы все равно вернул бригаде. — Он сделал небольшую паузу. — Как видите, речь идет не о наживе, — о чувстве... — глаза Зуева подернулись туманом.

Саксонов оставался невозмутимым.

— В каких числах Наташа приезжала к вам в Райцентр?

— Самое нелепое, что поездка так и не состоялась, — печально произнес Зуев.

— Значит, деньги остались целы?

— Разлетелись по ветру, — покачал тот головой. — Я даже не знаю, куда...

Саксонов надолго задумался.

— Наташа знала, что вы собираетесь за нарядом именно в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое? — спросил он наконец.

— Нет. Я поначалу и не собирался приезжать к двадцать пятому. О, черт! И почему я не задержался на два дня! Ведь хотел же! Хотел!

— Но все-таки Наташа знала о ваших планах изъятия наряда?

— В общих чертах...

— Что значит «в общих чертах»?

— Ну, я говорил ей, что единственный шанс замять это дело — уничтожить наряд. И что мне придется это сделать.

— И она очень переживала за вас?

— Да.

— Она беспокоилась, сумеете ли вы незамеченным пробраться к зданию?

— Да.

— И сумеете ли проникнуть внутрь здания?

— Да.

— И открыть все двери?

— Да.

Все эти «да» прозвучали недоуменно.

— И еще... — голос инспектора неожиданно дрогнул от волнения. — Когда вы пришли к Наташе, ночью, она никуда не выходила?

— Выходила, — протянул Зуев. — Она объяснила, что ее подруга в больнице, вот-вот должна закончиться операция, и ей нужно позвонить, узнать, как дела. Я проводил ее до автоматов. Но это совсем рядом — на автобусной остановке, в двух шагах от дома.

— И вы слышали разговор?

— Нет, курил в сторонке. Наташа вернулась через минуту, очень оживленная, сказала: «Операция проходит успешно».

Саксонов сделал энергичный жест:

— Пойдемте в машину. Покажете, где живет ваша Наташа.

— Но зачем... я не понимаю...

Взгляд Саксонова сделался жестким, тонкие губы изогнулись в невеселой усмешке.

— Это старый трюк, Зуев. Хотя и не без вариантов. Наташа... Авантюристку, которая познакомилась с вами в ресторане, прельстили вовсе не ваши прекрасные глаза. На нее произвела впечатление ваша привычка сорить деньгами. Но очень скоро миф о новоявленном графе Монте-Кристо рухнул — ваша заначка кончилась. Наташа все поняла. Надо отдать ей должное — она сообразительная женщина. И тогда она решила отделаться от вас. Но не в ее правилах уходить с пустыми руками. Начались охи, ахи, появилось страстное желание приехать к вам в Райцентр. Она сумела заставить вас совершить служебное преступление, — это оказалось несложным делом. Ну, а потом, когда вы пошли на приписку, на сцене появился мнимый работник органов, ее сообщник. Начался несложный шантаж. Но сыграть по-крупному не удалось — больших денег, к огорчению преступников, у вас не оказалось.

Зуев вздрагивал и морщился при каждой фразе инспектора, но тот, кажется, не собирался падать своего собеседника.

— И тут вы вдруг заговорили о своем намерении похитить наряд. Обсуждая с Наташей детали «ночного визита», вы волей-неволей выдали ей расположение кабинетов в конторе, удобные подходы. Проговорились вы, видимо, и о том, что зарплата рабочим лежит в кассе все то время, пока прорабы сдают отчетную документацию. Оставить без внимания такую информацию Наташа не могла. Скорее всего она передала ее кому-нибудь из своих дружков — за солидные комиссионные, разумеется. И пока вы строили планы похищения наряда, параллельно составлялись другие планы — ограбления кассы. Вам отводилась роль подсадной утки. Наташе надлежало подготовить улики, которые неминуемо выводили на вас.

Видимо, задумано было так: некто в ночь после получения денег проникает в кассу, вскрывает сейф. Затем этот человек как бы нечаянно роняет возле сейфа окурочек «Примы» — ваш окурочек, предусмотрительно сохраненный Наташей, оставляет на острых углах сейфа несколько ниток, воспользовавшись куском ткани, отрезанным от ваших брюк. Ну, и другие следы. Согласитесь, действовали люди опытные и хладнокровные, знакомые с таким понятием, как судебная экспертиза.

Расчет был и на психологический момент — сам факт вашего ночного «визита». И когда вы появились ночью у Наташи, она поспешила дать сигнал сообщникам, что семафор открыт.

Признаться, поначалу и я подозревал вас. Но одну ошибку они все-таки допустили. В помещении кассы два окна. Одно, большое, выходит во двор,

второе, маленькое, — в коридор: через него кассирша выдает деньги. Грабитель плотно занавесил оба окна, прежде чем включить свет. Но вы-то знаете, что маленькое окно в нерабочее время закрыто со стороны коридора глухой заслонкой, и не стали бы терять время на лишнюю возню. Настоящий грабитель этого не знал.

Зуев машинально грыз ногти. На него было страшно смотреть.

— Выходит, Наташа мне лгала? Все лгала с самого начала? — прошептал он.

— К сожалению, правдивость не входит, видимо, в число добродетелей вашей подружки. Не ручаюсь, что все обстояло именно так, как я вам описал, но истина где-то рядом... Сейчас на минуту заедем в отделение, а оттуда сразу к Наташе.

У Зуева вдруг мелькнула в глазах быстрая молния.

— Но если все обстоит так или примерно так... Значит, я не виноват? То есть почти не виноват? Это меня, меня одурачили! Послушайте, Артем Вадимович! Только одну минуту! Могу я, по крайней мере, надеяться, что не всплывет эта история с нарядом? Деньги я верну. До копейки. Дочкой клянусь! Поверьте...

Саксонов молчал, глядя в сторону.

— Ведь с вас спросят только за кражу. Зачем вам меня топить? Я и так пострадал, — прораб молил, казалось, он вот-вот встанет на колени.

Саксонов вздохнул и потер переносицу.

— Знаете, Зуев, я хочу вам верить, очень хочу. И если я увижу, что ваше раскаяние искреннее, я попробую вам помочь в меру своих возможностей. Обещаю. Но...

— Но? — с надеждой и тревогой будто выдохнул Зуев.

— Но если это только трюк, попытка вывернуться из скверной истории с минимальными потерями, то не рассчитывайте на мою поддержку. Говорю вам это откровенно. Ибо тогда вы, на мой взгляд, более опасны для общества, чем тот, кто взломал сейф и похитил деньги.

— Я? — у Зуева округлились глаза. — Да я мухи в жизни не обидел!

Саксонов машинально вертел в руках ключ с колечком.

— Видите ли, Зуев... Я знал профессиональных грабителей, мошенников, даже убийц. Психологию этих людей понять нетрудно. А определить свое отношение к ним еще проще. Да они и сами интуитивно осознают, что принадлежат к отбросам человеческого общества.

А вот вы, Зуев... Нормальный человек, такой же, как все... Уважаемый, сознательный, ответственный сотрудник. Умеете рассуждать о чести... Но вчера вы впервые в жизни заполнили липовый наряд, сегодня взломали шкаф с документацией, а на что решитесь завтра, если будете уверены в безнаказанности?

Однако довольно разговоров. Пойдемте в машину. Будем искать вашу знакомую Наташу...

Разоблачение

Аэродинамическая труба – по-моему, именно так следует называть местность за Бекабадом, где мы разбили лагерь. Природа здорово подшутила над нами. Пока мы выстраивали свои вагончики в каре, прилаживали заземление и электропроводку, сколачивали из досок склады и подсобки – словом, обживались, – воздух был почти недвижим. Но едва лагерь, что называется, врос корнями в землю, едва бригады приступили к строительству трассы ЛЭП – как началось!

Ветер сутками напролет выл, как бешеный, забрасывая наш стан пылью, мелкими камнями, обрывками газет и бумаг, подхваченными, вероятно, в соседних областях. Однажды утром мы обнаружили посередине лагеря дырявое корыто, в другой раз – кабину от бульдозера. Причем ни один человек не усомнился в том, что и корыто, и кабина принесена этим бешеным, ни на миг не утихающим ветром. Мне всегда вспоминался рассказ Роберта Шекли «Поднимается ветер».

Вагончики нашего городка сразу же прошли проверку на прочность – все, плохо прилаженное было сорвано, отодрано, вырвано с корнем и унесено в неизвестность. В нормальных условиях легкую металлическую лесенку для подъема в вагончик достаточно было просто установить поровнее, здесь же приходилось намертво приваривать ее к обшивке.

Кто-то заикнулся о перебазировании на новое место, но времени на это уже не было. Приходилось терпеть, тем более, что весь день мы были заняты на трассе, где ветры – вот парадокс! – почти не дули.

И потом мы привыкли. Многие, наверное, просто не смогли бы заснуть, если бы ветер вдруг перестал свистеть и раскачивать вагончик. Во всяком случае мы с прорабом Валентином Белоколом давно уже не обращали внимания на эту дикую свистопляску. А нынешним поздним вечером и вовсе было не до капризов природы. На завтра ожидалась комиссия, и к ее приезду предстояло полностью подготовить документацию. Поровну поделив обязанности, мы заполняли акт за актом при свете мигающей лампочки. В глазах уже рябило от цифр.

Вдруг Белоколос отбросил ручку и, выпрямившись на стуле, уставился в темноту окна.

- Да... - протянул он значительно. – Тогда тоже дул сильный ветер...

- Когда – «тогда»? – спросил я, не без удовольствия отрываясь от бумаг. Эти чертовы акты сидели уже в печенках. Мы не разгибали спины три часа кряду. Не мешало бы малость передохнуть.

- Было это в лет десять назад, в 1972 году, - ответил он с прежним выражением.

Удивительный человек этот Валентин. В свои тридцать лет он выглядит чересчур потяжелевшим, однако с улыбкой взбирается на горный пикет проворнее иного поджарого монтажника, который, прежде чем добраться до вершины, сто раз сплюнет и помянет чертову бабушку.

Шутки и прибаутки сыпались из Вали градом, и всегда к месту. Иной раз дело не ладится – все злы, раздражены, кажется – брось спичку и произойдет взрыв, но вот Валя произносит с легкой улыбкой короткую фразу, и напряжения как ни бывало. Взгляды добреют, откуда – то появляются силы, и неподдающиеся железки вдруг сопрягаются точно по проекту. На открытой местности, где часто бывают грозы, не обойтись без молниеотвода. Точно так же в обособленном мужском коллективе позарез нужен человек, умеющий разряжать конфликтные ситуации. Так вот с Валентином нам повезло.

Есть еще за ним один талант – он умеет рассказывать под настроение дикие истории. Берет за основу реальный случай, но так расцвечивает детали, сдабривая изрядной долей своего богатого воображения, что происшествие вдруг обретает фольклорную яркость и надолго откладывается в памяти. Вроде и та история, и уже не та. Я часто был свидетелем

и даже участником ряда событий, которые в устах Белоколоса трансформировались, похоже в удивительные происшествия.

Никто из наших не упускал возможности послушать Валю, как бы скептически не относился к некоторым его доказательствам.

Я отодвинул бумаги подальше, закурил и приготовился слушать.

- Да, иной раз, когда задувает, мне приходит на память одна история, где все началось с ветра... А кончилось ошибкой, цена которой – человеческая судьба. – Валентин любил подогреть интерес к своим рассказам многозначительной недомолвкой.

- Что за история? – Я сразу же принял правила игры.

Он тоже закурил и начал неторопливо, оживляясь, однако, с каждой фразой.

- Случилось это лет десять назад в одной из целинных совхозов джизакской степи. Стоял октябрь – сезон сбора хлопка, и совхоз был переполнен студентами, среди которых оказался и некий первокурсник. Назовем его Валентином, Валец, - Он интригуяюще хмыкнул. – Так легче рассказывать.

Я почувствовал, что к моему другу пришло вдохновение и уже не перебивал его.

- Как это не утомительно, - продолжал Валя, - но наберись терпение, дружище, и выслушай две-три обязательные подробности, без которых не будет полной ясности. Группа, в которой числился наш герой, разместилась на полевом стане в трех километрах от совхоза. По вечерам студенты после ужина цепочкой тянулись к поселку, где были кинотеатры, почта, магазины и базарчик, где можно было купить семечки, вареную кукурузу и жареные орешки- «шорда-нек». Эти вечерние прогулки стали чем-то вроде обязательного ритуала. Им мог помешать только ветер – дикий ветер, что временами поднимался в тех местах к ночи.

Однажды Валя, задержался в поселке чуть дальше обычного и не успел опередить ветер – тот уже начать свистеть в вышине. Все, что можно сделать – это застегнуться на все пуговицы на бушлате, поднять воротник и ускорить шаг.

Валя шел, напевая «Косил Ясь конюшину», но ветер взял уже такую ноту, что студент, не слышал собственного голоса, ни шороха своих шагов.

Временами ветер внезапно смолкал. На несколько секунд в степи устанавливала тишина. Отчетливо слышался отдаленный стук тракторов, лай собак, человеческие голоса. Но передыхка длилась недолго.

Чем дальше удалялся Валя от поселка, тем темнее становилось вокруг. Луна закатилась за облака. На небе не проглядывало ни звездочки. Дорога была пустынной и черной.

Валя прошел еще немного, когда острый камешек попал ему в ботинок. Студент нагнулся, и вмиг ветер словно нырнул под землю. Валя услышал ритмичный звук, будто сказочные гномики ковали что-то своими молоточками. Потом кто-то спросил:

- А гарантии?

Голос показался Вале знакомым, так же, как и стук маленьких молоточков. Обрадовавшись неожиданному попутчику, он уже хотел было шагнуть вперед, но тут раздался второй голос, отвечающий первому:

- Какие нужны еще гарантии? Дело верное и неоднократно апробированное. Хлопком займусь я сам, вы - бумажками. У наших студентиков даже малейшего подозрения не появится. Ну? Риск минимальный, зато будете обеспечены денюжками на два года. Как говорил один мой знакомый: «Дело сделано – можно расходиться!»

- Тсс... Здесь кто-то стоит, - испуганно произнес первый голос.

- Где?

- Вот, прямо...

- Спокойно.

И в ту же секунду природа забуйствовала вновь. Борей проснулся, завывая, понесся вдоль дороги. Сильный толчок в грудь опрокинул Валя в кювет. Когда оттуда он выбрался, дорога тускло освещенная робкой Селеной, была абсолютно пустынной.

Внутри полевого стана было светло и шумно. Шесть десятков человек – все население этой студенческой республики, разбившись на группы, восседало на раскладушках.

Собрав в кружок самых испытанных друзей, Валя поведал им о дорожном приключении, украсив его для наглядности несколькими живописными деталями.

Но Валя подвел характер. Дело в том, что это был самый неунывающий и общительный студент на факультете, завзятый выдумщик по прозвищу Фенимор Купер. Никто никогда не видел его сердитым. Запас его шуток, прибауток и анекдотов казался неистощимым. А сколько забавных историй о жителях поселка рассказал он, друзьям, историй, три четверти которых придумал сам!

Словом, сейчас новоявленный Фенимор Купер, оказался в положении персонажа известной сказки, который ради шуточки несколько раз поднимал тревогу, крича, что на стадо напали волки, а когда это случилось на самом деле, не мог дозваться спасителей.

Смех друзей рассердил Валентина, но поскольку все абсолютно точно знали, что сердиться он не умеет, никто не принял всерьез его резких жестов и восклицаний.

« Подождите, я вам докажу! » - клялся Валя, устраиваясь на раскладушке.

Ночью недавнее происшествие снилось ему на десятки ладов. Какие-то волосатые люди в черных масках стучали кувалдами по дороге, а маленький чертик с хитрой мордочкой кричал, взобравшись на высокое дерево: «Гарантии! Где гарантии?!»

Утром Валя сделал неприятное открытие – за ночь он забыл модуляцию голосов обоих незнакомцев. В памяти остались только стук молоточков да и фраза: « Дело сделано – можно расходиться! »

А может, ерунда все это, думал Валя по дороге на поле. Пошутил кто-то или даже разыграл?

Но к полудню, когда на хирмане выросла внушительная гора хлопка, сомнения Вали рассеялись. Хлопок был реальным богатством, способным привлечь алчное внимание вполне конкретных проходимцев. И еще Валя видел потные лица и согнутые спины ребят.

« Я найду жуликов ! » - снова поклялся он и на этот раз его клятва диктовалась не только желанием реабилитировать себя в глазах друзей. В студенте заговорила жажда справедливости.

Вечером все население полевого стана собиралось в совхоз приехали артисты эстрады. Когда студенты, принаряженные в меру возможностей, уже вышли на дорогу. Валя вдруг вспомнил, что не взял с собой письмо с домашним, написанное еще третьего дня и, пообещав догнать друзей через пару, вернулся.

Провозился, однако, он значительно дольше, так что снова оказавшись на дороге, никого на ней не увидел – видимо, школяры перевалили через холм. И только рядом со станом вдоль крохотной рощицы медленно прохаживался бригадный учетчик Тимур с неизменной тросточкой в руках.

- На концерт не идешь? –спросил мимоходом Валя.

- У меня наклевывается кое- что получше, -проговорил тот, гнусовато ухмыляясь.

Валя вопросительно поднял брови.

- Чувиха! Оприходую кое- что .

- А-а... Ну, удачи.

Валя прошел несколько шагов и тут совершенно отчетливо услышал за спиной стук тех самых маленьких молоточков. Он резко обернулся. Тимур стоял в прежней позе, постукивая тросточкой по голенищу сапога.

- Ты!!!- воскликнул Валя тоном исследователя, нежданно решившего почти невыполнимую задачу.- Это был ты! Вчера на дороге...

Если бы Тимур соорудил сейчас вопросительную гримасу, расхохотался или повертел пальцем у виска Валя наверняка смутился бы собственного предположения и отлез бы, подобно гниде. Но Тимур вдруг съехался и выронил тросточку.

- Это был ты! – уверенно произнес Валя.

Тимур отступил на шаг, второй, затем повернулся и побежал по дороге. И, как бы подгоняя его, засвистел в вышине ветер.

Плохо понимая, что делает, Валя побрел к стану. Внутри было тихо и темно. Валя почувствовал себя еще неуютнее. Взял книгу «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова, но здесь же отложил ее.

Так-так. Значит Тимур-ака? Хороший парень, и просто ничего... И все время на отшибе. И не потому что, застенчивый. Нет, он и за себя не постоит, и от девчушек не шарахается. Но все как-то чуть свысока...

Что же делать? Вернуть ребят? Или не портить им вечер?

Валя вышел во двор. Стемнело. Бесновался и Борей, и Зефир, Эвр и Нот за компанию.

От шоссе приближались два огонька.

К стану подъехал автомобиль «Жигули» 4 модели. Из нее выбрался большеголовый человек с короткими, наполовину седыми волосами., следом – Тимур...

- Валентин? Ну, давайте, знакомиться, - доброжелательно сказал прибывший. – Инспектор районного отделения милиции Маликов.

Он вынул из внутреннего кармана красную книжечку и помахал ею в воздухе.

- Дело, собственно от в чем, - продолжал он, разглядывая Валентина карими с желтизной глазами. - На хлопкоприемном пункте окопалась группа расхитителей. Наша районная служба готовит против них операцию. Скажу только, что совершенно случайно вклинились в ход операции и едва не спутали нам все карты.

- Значит, Тимур?

- Да! – энергично подтвердил Маликов. – Тимур сознательно помогает нам. И сейчас он очень обеспокоен за судьбу операции. Прибежал ко мне, я сразу же позвонил начальству и мы решили во избежание недоразумений посвятить вас в общие черты нашего плана. – Он огляделся. – Между прочим, чрезвычайно важно, чтобы меня здесь никто не видел. Давайте отведем в степь и там спокойно побеседуем.

Втроем они втиснулись в бибик, и минут через пятнадцать подъехали к магистральному каналу.

- Ну вот! - сказал Маликов. – Здесь нам никто не помешает.

Место и в самом деле было пустынное и глухим. Машина стояла на узком проселке, по которому и днем-то никто не ездит., но говоря уже про ночную пору. Справа тянулся глубокий, хотя и обмелевший канал. При тусклом свете луны-селены вода в нем казалась отлакированной. Слева поднималась высокая земляная насыпь.

- Прежде всего, - сказал Маликов, - пожмите друг другу руки. Вот так-то. Отныне вы – друзья, единомышленники. А теперь, Валентин, расскажите мне откровенно обо всем, что вы узнали. Дело, сами понимаете, серьезное.

Выслушав, он вздохнул с облегчением.

- Значит, друзья вам не поверили?

- Совершенно.

- Это к лучшему. А теперь забудьте обо всем, что знаете. Если опять случится что – то непредвиденное, держите связь через Тимура со мной. Итак, ни слова... Обещаете?

- Обещаю.

- Ну и отлично. – Он включил зажигание. - Договорились. Едем обратно. Как говорил мой подопечный: «Дело сделано – можно расходиться!»

- Что?! – невольно вырвалось у Вали. Одна фраза – и он все вспомнил, а вспомнив, все понял. Теперь он узнал и второй голос.

В машине было темно, и Валя видел только руку Маликова, высвеченную мерцающей шкалой приборов. Ему казалось, что рука чуть заметно дрогнула, но когда Маликов обернулся, вид у него был по – прежнему деловой и доброжелательный.

- Был у меня много лет назад дин подсудимый, - пояснил он, - который любил повторять эту присказку. Я иногда сам ею пользуюсь. В ироничном смысле, конечно.

Валя перевел дыхание. Уф, кажется пронесло!

- Ну, возвращаемся! – сказал Маликов.

У Вали окончательно отлегло на сердце. Однако метров через двести машина неожиданно остановилась. Инспектор беззлобно ругнулась.

- Черт! Подводит, старушка – вылез и присвистнул, подняв капот. – Ребятки, придется подлить воды. Валя, если вам, конечно, нетрудно, вон в откосе торчит скоба – встаньте на нее, а Тимур подаст воды.

Валя осторожно потрогал ногой откос. Тот был скользкий, весь в жиже и водорослях. Чуть ниже из бетона торчала огромная скоба. Валя решил и скользнул по откосу к ней. Однако скоба на деле оказалась причудливым извивом пучка водорослей. Валя и опомниться не успел, как плюхнулся в воду, достаточно прохладную для этого времени года.

- Ух ты! – только и смог взвизгнуть он.

- Ай-яй-яй! - как-то по бабьему запричитали на берегу.

В два взмаха Валя подплыл к откосу и с ходу попробовал вскарабкаться наверх. Однако руки скользили о бетону словно тот был покрыт маслом.

- Подайте какую-нибудь ветку – стуча зубами попросил он надеясь, что это всего-навсего недоразумение и сейчас все уладится. – Иначе мне отсюда не выбраться.

- В этом можете не сомневаться, - спокойно ответил Маликов. – Это все ирригаторы. Так почистили канал, что весь ил остался на откосах. Вам следовало быть осторожным.

- Помогите же выбраться! – холод пробирал Валу до костей.

Маликов присел на корточки на самом краю канала и закурил.

- Ситуация, согласен, неприятная, - проговорил он. – Одежда уже вся намокла? И на дно, наверное, тянет? И холодновато, верно? Но полчаса вы еще продержитесь. Так что особых причин волноваться нет.

- Что вы этим хотите сказать?

- Не надо, прошу вас, не надо, - услышал Валя прерывающийся голосок Тимур

- Цыц! Надо, Федя, надо! – цыкнул на него лже-инспектор и опять обратился к Вале: - У меня появилось предчувствие, что вы вспомнили еще что-то, причем весьма важное, чего не захотели рассказывать, верно?

Валя понял, что разоблачен. Он никогда не считал себя смельчаком, но сейчас в ночной степи, наедине с жульем, после всего, что произошло, он чувствовал удивительное спокойствие. Одна мысль занимала сознание. Надо выбраться! Во что бы то ни стало надо выбраться. И тогда – берегитесь, Маликов, Тимур, вся компания!

Переплыв канал, он принялся яростно штурмовать откос. Предательская пленка грязи тянула вниз. Он не думал о том, что произойдет в следующую минуту. Выбраться! Выбраться!

- Ну-ну! – раздался поощрительный голос Маликова. – Вы нам ускоряете дело. Ручаюсь, что на несколько километров вниз и вверх о течению выбраться вам не удастся.

Валя поплыл вдоль канала. Хотя бы одна щербинка скоба или прутик арматуры.

Маликов медленно шел поверху, то и дело направляя на Валу луч карманного фонарика.

- Я вижу, вы – упрямец, - снова донесся с берега его голос. – Честно говоря, я хотел вас просто припугнуть, но теперь... В конце концов вы сами решили искупаться.

- Тимур! – крикнул Валя. – Я оставил в одном месте записку, вечером ребята найдут ее. Слышали?! – тяжелая волна плеснула ему в лицо, вода опала в рот.

- Про записку вы придумали только что, согласитесь, -насмешливо проговорил Маликов – и скверно придумали А что касается ваших ребят... Когда завтра или через неделю из канала выловят ваш труп, они призадумаются.

- Плохо вы знаете ребят!

- Ишь расхрабрился! - вдруг как-то по- новому со злобой выкрикнул Маликов. – А душа-то в пятках?! Ну, ладно! Сейчас умолять станешь, чтобы вытащил. На все согласишься. Но я тебя ничего не могу обещать... О!!!- как-то совсем странно воскликнул он и замолчал.

Валя услышал прерывающий голос Тимура:

- Валя! Валя! Сюда! Я тебя вытащу!

Валя кое-как подплыл к берегу. У него еще хватило сил вцепиться в рукав куртки, которую протянул с откоса Тимур.

-Валя! Валя! – откуда-то издалека доносился его голос. –Смотри, это я ударил его бутылкой по голове. Я спас тебе жизнь! Ты ведь на забудешь этого, не подведешь меня, а, Валя? Я ни в чем не виноват. Он запугал меня. Он страшный человек. Валя, у меня еще не было, клянусь! Я спас тебе жизнь. Валя! – бормотал он одно и тоже , возбужденно всматриваясь в сокурсника просящим, заискивающими глазами.

Белоколот замолчал.

- Это было с тобой? – спросил я.

Прораб кивнул головой.

- Постой, но ты говорил о какой- то ошибке. Ошибке, которая кончилась это история?

-Да. я пожалел Тимура. Ребята и на суде сказали будто он специально сошелся с Маликовым, что-бы разоблачить его. Мне поверили. Короче, Тимур вышел сухим из воды.

- Но какая же здесь ошибка? Для него это был хороший урок. На всю жизнь. По-моему , ты был прав.

Валя вздохнул, обернулся к шкафу с документацией, что стоял за его спиной, достал с полки синюю папку.

- Читай.

Я прочел месячной давности приказ по тресту.

« За финансовые нарушения...разбазаривания имущества... прораба Каримова Т.Х. освободить от занимаемой должности по статье КЗоТ... материалы передать в следственные органы...»

- Но какая здесь связь?

- Да ведь прораб Каримов и учетчик Тимур ... одно и тоже лицо!

Я слишком хорошо знаю своего друга, именно поэтому не берусь судить, что его рассказе правда, а что вымысел.

А ветер крепчал.

Человек из льда

Еще в начале мая 1972 года я работал вольнонаемным водителем в одной подмосковной воинской части строительного профиля. И вот где-то после праздников начальство предложило мне длительную командировку в Забайкалье. На выгодных условиях. Был я тогда 30-летним холостяком и имел желание посмотреть незнакомые края. Ну и согласился.

Думаю, не выдам большой военной тайны, если скажу, что весьма серьезный объект, куда меня направили, находился среди таежных сопок в сотне километрах от города Дарасун, расположенного на транссибирской магистрали.

Места, где разворачивалась стройка, были, откровенно говоря, классической глухоманью, но назвать их нехоженными всё же нельзя. За несколько лет до этого тут велись интенсивные лесоразработки, от которых остались просеки, вырубки и неплохо сохранившаяся лесовозная трасса, петляющая среди сопок и болот вроде причудливо размотанного серпантина. Вот по этому 100-километровому – практически безлюдному – серпантину наша автоколонна и перевозила грузы из Дарасуна – железобетон и металл.

Прибыл я на объект не в числе первых. Некоторые гражданские водители пахали тут уже несколько месяцев. Среди них я встретил Алексея Кузьмича, можно сказать, земляка. Тоже из Подмосковья, только из другого района. Он-то и рассказал мне по-дружески о здешней специфике, в том числе, о нехорошем месте.

Нехорошее место находилось примерно посередине трассы.

Представьте себе высоченную и очень крутую сопку, всю поросшую могучими амурскими соснами и утыканную валунами размером с тяжелый танк. Ближе к основанию сопки – по ее окружности – бульдозерами пробита дорога-выемка. А внизу тянется клочковатое болото, поджатое другими сопками. В таких таежных болотах, объяснил мне Кузьмич, даже в июле, когда воздух прогревается до 40 градусов, под метровым слоем жижи залегает вечный лед.

И вот, мол, еще три года назад по этой трассе лесовозы возили кругляк. А на месте нашего объекта располагался крупный лесопункт, и так уж было заведено, что зарплату лесорубам привозили прямо на просеку. Объемы были немалые, платили хорошо, так что кассир вез в своей сумке солидную сумму. Ну, а поскольку на всей трассе обитали вроде бы только свои, то деньги возили без особой опаски. Водитель и кассир – вот и весь экипаж. И никакой охраны.

Свои-то свои, но правильно говорит пословица: в семье не без урода. Нашлась сволочь и среди своих. Один шоферюга задумал неладное. Он заметил, что деньги привозят примерно в одно и то же время, поскольку банк в Дарасуне выдает их в строго определенный час. И вычислил, разбойник, участок трассы, на котором без свидетелей можно перехватить машину с кассиром. Смахнуть ее лесовозом с трассы в болото и добить того, кто уцелеет. А после слинять с денежками подальше и попробовать на зуб, что она за штука такая – сладкая жизнь?

Только вышло всё по-другому. В бумаги вкралась ошибка, и банк в этот день денег не выдавал. Женщина-кассир осталась в городе, а водитель – симпатичный такой паренек, чистый и правильный, все его любили – погнал на своем узикике назад. Пустой, понятное дело.

Но ведь злодей не знал, что мани-мани сегодня не будет. Газанул он из укрытия и опрокинул всей мощью своего лесовоза легкую машину с откоса. Та покатила кубарем! На последнем уже кульбите паренька выбросило наружу, да еще придавило ему рамой ногу.

И вот спускается урод прыжками вниз: денег нет, пострадавший дышит! И тогда в припадке лютой ярости схватил этот нелюдь монтировку и разбил беспомощному пареньку голову. А сам погнал в Дарасун, где след его потерялся окончательно.

А паренек-то был еще жив. Может, жил бы и поныне, да вот беда: не осталось сил высвободить ногу. Солнце жарит всюю, корпус раскалился не хуже сковородки, а снизу, из болота,

подступает вечный холод. Кричи не кричи, на 50 верст ни души. Конечно, иногда по трассе промчится лесовоз, но кто услышит сквозь рев мотора слабый крик с болота? Никто не услышал. И не увидел, потому как вдоль обочины пышно цвел багульник. Вот и скончался безвинный парнишка в жестоких муках: от переохлаждения организма при 40-градусной жаре.

Ближе к вечеру его всё же нашли. То есть, труп. Но поскольку тут было очевидное злодеяние (разбитая голова, окровавленная монтировка рядом), то решили оставить всё как есть до приезда милиции.

А утром там никого не оказалось. В смысле, уазик так и лежал на боку, а тело исчезло. Может, медведь его утащил? Косолапые, случалось, тут пошаливали. На топтыгина всё и свалили.

Только с некоторых пор стало твориться на повороте что-то неладное. Вдруг прямо перед машиной возникает человек, голова которого залита кровью. Но ясные, ледяные глаза смотрят в душу так пронзительно, что сердце сжимается от холода. Тут и гадать нечего: стигнувший водитель уазика явился с того света, чтобы покарать своего убийцу. (Который, понятное дело, был уже за тридевять земель.) И всё же ледяной человек – такое ему дали прозвище – упорно ждет. Будто верит свято, что однажды возмездие свершится.

Вот что еще подметили шоферы: призрак не имеет четкого расписания своих прогулок, но в годовщину гибели появляется обязательно. 12 августа около двух часов дня – как штык! Ох, и нагоняет страху на некоторых! Но если твоя совесть чиста, то можешь не опасаться встречи с ним. Не тронет. Разве что спросит замогильным голосом: «Ты не видал там его?»

По правде говоря, рассказ Кузьмича не произвел на меня сильного впечатления. Слыхали мы еще и не такие шоферские байки!

Где-то в середине июля на объект приехал важный проверяющий из Москвы. В чине полковника. Строгий. Деловой такой. Матерщинник. Другие кураторы обычно снимали стружку с начальника автоколонны, песочили офицеров-механиков, а этот покати́л бочку на нас, простых водителей! Дескать, сачкуете, соколики! Можно делать еще одну ходку в день! Я, говорит, лично проведу хронометраж и покажу вам, сукины дети, где вы недорабатываете!

Ладно, в добрый путь, коли так! Выехал он в рейс вдвоем с Никоновым – был у нас такой военный водитель, самый дисциплинированный и обязательный.

Только ничего полковник никому не доказал. Знаете, почему?

Едва они достигли нехорошего места, как с сопки сорвался огромный валун, перегородив всю дорогу. Никонов едва успел затормозить. Полдня провозились, прежде чем спихнули этот валун с дороги. Рейсов сделали меньше обычного.

Полковник разнервничался, плюнул на хронометраж и даже забыл про олени рога, которые наше начальство приготовило ему в качестве таежного сувенира. Так и укатил в белокаменную с пустыми руками.

А ведь если разобраться, ничего необычного не произошло. После сильных дождей валуны нередко скатывались с крутых сопки на дорогу. Не зевай! Правда, в тот день дождя не было.

Я думаю, кто-то нашептал полковнику про ледяного человека, вот у него, по его же выражению, очко и заиграло.

В начале августа появился у нас новый гражданский водитель. Мужик лет сорока, жилистый такой, бровастый, а по натуре необщительный, даже нелюдимый. Но шоферское ремесло знал туго. Гонял по лесным трассам не хуже персонажей фильма «Там, где кончается асфальт». Ребята говорили, что и нехорошее место он пролетает на бешеной скорости.

Кузьмич, добрая душа, желая предупредить новичка, заговорил с ним было о ледяном человеке. Так тот и слушать не стал. Повернулся и ушел.

Словом, мужик оказался с норовом. Фамилии его я уже не помню. А здесь для ясности рассказа назову Хмурым.

Ладно, перехожу к финалу.

Однажды Хмурый разгрузился на объекте передо мной и погнал обратно в Дарасун. Вид у него был какой-то непривычно возбужденный, но я тогда не придавал значения. Разгрузился и тоже двинул в город. Значит, дистанция между нами была 3-4 километра.

Вот впереди показалось нехорошее место.

Отчетливо помню: перед закруглением у меня возникло какое-то дурное предчувствие. Интуитивно я сбросил скорость. И не зря. Вижу: в аккурат на повороте стоит грузовик Хмурого. А сам он вылез из кабины и смотрит не мигая куда-то под колеса.

Я кричу ему из окошка:

- Ты бы убрал машину в сторону!

А он отвечает совсем невпопад:

- Всё-таки я уделал его! Уделал!

Я тоже выбрался наружу, прошел вперед... Поперек дороги, буквально под радиатором его грузовика был расстелен большой кусок рогожи, под которым вырисовывались очертания человеческого тела. У меня аж в глазах потемнело! Выходило, что этот Хмурый самое многое две-три минуты назад сшиб человека! Хотя ни разу за всё лето я не видел на всем протяжении трассы ни одного пешехода. Тайга!

- Ну, что?! – закричал между тем Хмурый, обращаясь к рогоже. – Теперь ты не будешь шляться ко мне по ночам?! Теперь ты отвяжешься, наконец?! – и залился смехом, от которого у меня мурашки пробежали по коже.

Собраться с мыслями я не успел. Со стороны Дарасуна подкатила машина Кузьмича с грузом железобетона. Остановившись наискосок, он подошел, вопросительно поглядывая то на рогожу, то на Хмурого, то на меня.

- Дед, это ты собирался толковать мне про ледяного человека?! – зыркнул на Кузьмича Хмурый. – Ну, так гляди! – с этими словами он ухватил за край рогожи и рывком сдернул ее.

Я ожидал чего угодно, но не этого.

Под рогожей... ничего не было. То есть, в первую секунду мне показалось, что там лежит большая темная ледышка в форме человеческой фигуры. Но это впечатление держалось какой-то миг. Под рогожей не было ни-че-го. Даже лужи.

- Да где же он?! – растерянно пробормотал Хмурый.

И тут откуда-то с вершины сопки донеслось шуршание. Мы вскинули головы.

Представьте себе эту картину. Перед радиатором своего грузовика на дороге стоит Хмурый с рогожей в руках. В трех метрах от него, ближе к объекту, стою я. Тоже в трех метрах, но по другую сторону, ближе к Дарасуну, стоит Кузьмич. А с вершины сопки по страшной крутизне прямо на нас несется огромный валун. Вроде бы понимаю, что надо бежать, а ноги сделались ватными. Кузьмич тоже обездвижен. Один Хмурый метнулся прочь. К болоту.

Валун проскакал между мной и Кузьмичом, нагнал Хмурого у обочины, прохрустел его костями и, подпрыгивая как мячик, улетел далеко в болото.

Мы с Кузьмичом даже не успели испугаться.

- Который час? – шепотом спросил он, стараясь не смотреть на то, что осталось от Хмурого.

- Восемь минут третьего.

- А какая нынче дата?

- Вроде бы с утра было 12 августа...

- Ну, теперь ты понял? – с благоговейным трепетом спросил Кузьмич. – Посмотри на этот валун на болоте! Он остановился ровно в том месте, где принял смерть ледяной человек! Всмотрись: это же камень-памятник! – Тут он перевел взгляд на рогожу, которая по-прежнему

валялась на дороге, и засуетился: - Будет лучше для ВСЕХ, если мы ее закопаем. Сейчас и здесь!

От Хмурого, конечно, осталось мокрое место. Позднее стало известно, что он и есть тот человек, которого уже несколько лет разыскивала милиция. Отпечатки пальцев и прочие приметы совпали.

Я часто вспоминаю тот случай. И по-прежнему не нахожу в нем ничего мистического. Всё поддается разумному объяснению. Только надо учесть, что среди нашей шоферской братии всегда была сильна склонность к суевериям. Такая уж профессия.

Думаю, что у Хмурого после неудавшегося ограбления крыша всё-таки поехала. Видимо, по ночам стал ему являться убитый. Во сне. И вот, желая избавиться от наваждения, Хмурый пошел к ворожее. А та, предположим, сказала ему так: хочешь отвести ночного гостя – поезжай в то самое место и в известный тебе день и час сделай то-то и то-то. Вот Хмурый и явился, чтобы исполнить предписанный ритуал. Старых кадров тут уже не было, узнать его никто не мог. Любой психолог подтвердит, что с шизиками подобные заморочки случаются сплошь и рядом.

Валун сорвался с сопки – это, конечно, совпадение. Но, опять же, ничего мистического в этом нет. Для Забайкалья это самая рядовая картина. Я же не зря привел пример с полковником. Могу привести еще десяток, а то и сотню.

Остается рогожа. Я ведь ясно видел под ней очертания человеческого тела. Куда же оно подевалось? Впрочем, мне могло и показаться. Ведь столько лет прошло!

Друзья Джанджигита

Д Р У З Ь Я Д Ж А Н Д Ж И Г И Т А

Детективная история из восточной жизни, основанная на строгих фактах, туманных слухах и вольных допущениях

СЛОВАРИК – КОММЕНТАРИЙ

Айван– терраса для отдыха и чаепития (оба понятия на Востоке фактически являются синонимами). Устраивается обычно в самом живописном уголке сада – на высоком помосте с навесом и столбиками. Здесь принимают близких друзей, дорогих гостей и деловых партнеров. Айван имеется в каждом восточном дворе, даже самом бедном.

Айран– напиток из кислого молока, разбавленного водой. Хорошо утоляет жажду в жаркий день.

Ака – букв. старший брат. Употребляется также, как уважительное обращение к более старшему по возрасту. Но тут существует множество нюансов. Нередко так обращаются к начальнику, даже если тот молод. А порой можно услышать, как зависимый, беспомощный старик, раболепно кланяясь, называет «ака» какого-нибудь местного бая – совсем еще мальчишку.

Аксакал– мудрый старик, почтенный долгожитель, обладающий ценным житейским опытом, старшина.

Анаша– наркотик, гашиш.

Апа– старшая сестра. Здесь: женщина зрелого возраста.

Арык– небольшой оросительный канал, канава. В глубинке для многих служит единственным источником воды, которую употребляют для питья и приготовления пищи после непродолжительного отстаивания в ведре.

Аския – публичное состязание острословов. Один из участников бросает в круг оригинальную шутку. Второй должен мгновенно придать ей неожиданный поворот, третий – найти свое продолжение и т.д. Не допускается даже секундной паузы. Побеждает тот, кто сумел вызвать самый громкий смех и самые восторженные аплодисменты зрителей.

Бай– местный вельможа, обладающий богатством, властью и высоким общественным положением.

Бола– мальчик.

Бульон Улугбека– особое блюдо, которое, по преданию, ввел в обиход Улугбек – внук Тамерлана. Это блюдо якобы необыкновенно повышало мужскую силу и употреблялось правителем перед тем, как войти в гарем. Готовилось оно так: в огромном котле варили целого быка, затем бульон процеживали и варили в нем баран... Последним варили петуха. В результате длительного выпаривания получалась одна небольшая миска чудодейственной жидкости. Это и есть бульон Улугбека.

Гап– здесь: пустой разговор.

Гурия – «черноокая». Так названы в коране прекрасные девы, которые ублажают обитателей рая.

Дастархан– скатерть, на которой расставлены угощения – всё равно, обильные или скромные. Дастархан может быть расстелен на айване, на полу и даже на земле в чистом поле.

Джаляб– женщина легкого поведения (ненормативная восточная лексика).

Джинн– сказочный огненный дух, обычно злой, способный принимать любой вид и выполнять любые приказания того, кто обрел над ним власть путем заклинания.

Дувал– глинобитная стена, окружающая двор. Ее высота колеблется в зависимости от возможностей хозяина, но чаще превышает человеческий рост.

Дутар– двухструнный щипковый музыкальный инструмент.

Дустлар– друзья.

Зиндан– темница, тюрьма.

Зирвак– основа плова, поджаренное мясо с луком и морковью до закладки в котел риса.

Иблис– дьявол. В восточной литературе – символ зла, коварства и хитрости.

Имам– руководитель богослужения в мечети, а также светский и духовный глава общины.

Кабоб– разновидность шашлыка, приготовленного из рубленого мяса, перемешанного со специями и мелко нарезанным луком.

Каймак– молочный продукт типа густой сметаны.

Калым– выкуп, который жених или его родители выплачивают отцу и матери невесты.

Карагач– дерево рода ильм.

Карнай– духовой мундштучный музыкальный инструмент в виде длинной трубы. Используется на свадьбах и массовых гуляньях, а также как сигнальный инструмент.

Каса– большая пиала. В касе подаются первые блюда.

Кеклик – каменная куропатка, птица семейства фазановых. Отличается пугливостью.

Кизяк – прессованный, с примесью соломы навоз, используемый в пустынных южных районах как топливо.

Комуз– трехструнный щипковый музыкальный инструмент.

Кошара– большой загон для овец.

Кунжут– масличное растение. На Востоке семенами кунжута посыпают лепешки перед выпечкой.

Курт– кисловатые на вкус засушенные шарики из сузьмы – отцеженного кислого молока.

Курултай– представительное собрание, съезд, форум.

Лагман– особая лапша с мясной подливой и приправами. Процесс изготовления лапши для лагмана – целое искусство.

Ляган– большое круглое блюдо, обычно расписное, из обожженной глины. На лягане, как правило, к дастархану подаются плов (горкой, с лучшими кусками мяса наверху), красиво уложенные фрукты, искусно нарезанные бахчевые.

Мазар– гробница, склеп из глины или кирпича, имеющие вид восточного сооружения. Скопление мазаров несведущий человек может принять из вагона поезда за живописное поселение.

Маймун– безумец, сумасшедший.

Манты – крупные пельмени, сваренные на пару в специальной двойной кастрюле.

Махалля– городской квартал.

Меджнун – букв. «одержимый». Герой арабской романтической повести, лишившийся рассудка из-за несчастной любви к Лейли. В персидской литературе имя Меджнун стало синонимом несчастного влюбленного.

Митридат– Митридат Шестой Евпатор Великий (132 – 63 гг. до н.э.), царь понтийский, значительно расширивший границы своих владений, подчинивший всё черноморское побережье. Завоеватель, бросивший вызов Риму. После ряда успешных походов был побежден Помпеем. Погиб при загадочных обстоятельствах в собственном дворце в Пантикапее (Керчь).

Мулла– служитель религиозного культа, духовный наставник.

Мухаббат– любовь.

Нават– восточная сладость, приготовленная из сахара.

Омирбек – герой приаральского фольклора, остро слов и шутник.

Ошна– сотрапезник, тот, с кем преломил хлеб.

Пери– волшебница, фея. Нередко – злой дух в образе красивой женщины.

Пиала– сосуд для питья в форме небольшой круглой чаши без ручки.

Пичок– здесь: нож особой формы в кожаном чехле с орнаментом, выполненным цветными нитями.

Раис– всякий начальник. Глава администрации – раис, но и мелкий начальник, у которого в подчинении один-единственный сотрудник, для этого последнего – тоже раис.

Саксаул– ветвистое, с крепкой древесиной дерево азиатских пустынь и полупустынь. Используется как топливо.

Саман – кирпич-сырец с примесью навоза и соломы.

Сарай– дворец. К примеру, Большой Кремлевский дворец – тоже сарай.

Саратан– самый знойный период лета, примерно с июля до середины августа.

Смушка– шкурка новорожденного ягненка ценных пород.

Талак– здесь: развод. Если муж трижды подряд повторит «талак!», то сразу же после этого супруги считаются состоящими в разводе.

Тандыр– глиняная печь для выпечки лепешек и самсы – особых пирожков.

Тахир и Зухра– романтические влюбленные, герои широко известной восточной сказки.

Той– пир, празднество, богатая трапеза.

Хадж– паломничество мусульманина в Мекку.

Хан-атлас– шелковая ткань яркой расцветки и традиционного рисунка.

Хауз – искусственный водоем, бассейн.

Хашар– общественная работа, выполняемая «по зову сердца». Методом хашара помогают близким и соседям строить дом, очищают каналы и арыки и т.д.

Хна – желто-красная краска, получаемая из листьев одноименного кустарникового растения. Косметическое средство.

Чайхана– чайная, своеобразный мужской клуб – нередко на открытом воздухе.

Чапан – теплый халат на вате. Надеваемый в жару, предохраняет организм от излишней потери влаги.

Чинара– восточный платан.

Шайтан– злой дух, черт.

1.

Городок Т., веками дремавший у самого порога необъятной пустыни среди проплешин солончака и зарослей верблюжьей колючки, был так мал, что обитатели его противоположных окраин могли с легкостью видеть друг друга, взобравшись на плоские крыши своих саманных жилищ.

Но картина решительно изменилась, когда рядом развернулась великая стройка. Будто по мановению джинна, сюда, в эти края, подобно тучам саранчи, хлынули орды чужаков – русские, кавказцы, корейцы, крымские татары, немцы, турки-месхетинцы и прочие инородцы, всех не перечесать. В считанные недели город оказался в тройном кольце вагончиков-контор и сборных бараков-общежитий. На пологих холмах, повсюду, куда достигал взор, быстрее весенних маков поднялись скопища подъемных кранов и железных мачт. Полчища вертких, настырно снующих самосвалов стерли в мелкую пухлую пыль всю степь вокруг, и овец пришлось перегонять за пределы самых дальних пастбищ. Гул великой стройки не умолкал ни днем, ни ночью, ее мощный многоязыкий водоворот бесцеремонно втянул в себя неторопливое течение местной жизни. Теперь даже аксакалы не удивлялись тому, что важные новости не успевают облетать Т. на протяжении дня, а то и вовсе гаснут по дороге.

Вот почему ни друзья Джанджигита, ни друзья их друзей, ни кто-либо из земляков ничего не могут сообщить о завязке этой драматической истории, отголоски которой впоследствии заставляли содрогнуться – и не раз – даже самые черствые сердца.

Всё открылось как-то вдруг, с середины, вспоминают друзья Джанджигита.

2.

Свои свободные вечера они проводили обычно всей компанией на берегу канала или в старой чайхане у трех карагачей, а то у кого-нибудь в гостях, и Джанджигит неотлучно находился с ними, в общем кругу, хотя и держался неприметно в силу своего кроткого, даже робкого нрава. С таким характером лучше бы родиться девушкой. Случалось, друзья подтрунивали над ним, но всегда – добродушно.

И вот однажды они спохватились, что уже третий день подряд никто из них не видит Джанджигита и не имеет о нем никаких известий.

Не испытывая, впрочем, никакой тревоги, друзья отправились к нему домой.

Еще издали они заметили у знакомого дувала его синий самосвал, а вот и сам Джанджигит вышел через низенькую калитку на пыльную улицу. При виде неожиданных гостей он остановился, потупив взор, а на его нежных, с персиковым пушком щеках заиграл яркий румянец.

- Эй, Джанджигит! – окликнули его друзья. – Всё ли у тебя хорошо? Здоров ли ты? Как себя чувствует твоя уважаемая матушка? Не обижает ли кто твоих младших братишек и сестренек? Быть может, у тебя возникли неприятности в гараже? Или же опять начудили твои бестолковые дядя? Говори прямо, не стесняйся, ведь мы тебе не чужие.

Джанджигит поднял глаза, и друзья с изумлением обнаружили, что его румянец вызван не смущением, а какой-то совершенно несвойственной ему досадой.

И еще они разглядели только сейчас, что он аккуратно подстрижен и причесан, что на нем не привычная всем чумазая футболка, а выглаженная белая рубашка, что обут он не в стоптанные сандалии на босу ногу, а в начищенные до блеска выходные туфли, не успевшие еще запылиться.

Он порывисто прошагал мимо них к машине, обдав их чуждым ароматом – не того дешевого одеколona, которым здесь освежались после бритья, а каких-то терпких благовоний, забрался в кабину и уже оттуда крикнул – опять же с несвойственной ему гордыней:

- Незачем ходить за мной по пятам, подобно стаду баранов! Я вас не звал и в вашей помощи не нуждаюсь! – Тут он завел самосвал и резко газанул, накрыв компанию густым облаком глинистой желтой пыли.

Друзья, никак не ожидавшие от Джанджигита ни таких речей, ни такой выходки, на минуту онемели. Затем переглянулись и, выждав, пока уляжется пыль, направились в чайхану, чтобы без помех обсудить случившееся.

3.

Уже после первого чайника они единодушно пришли к заключению, что нет иных причин, кроме сердечных, которые могли бы так непостижимо повлиять на манеры их всегда стеснительного товарища.

Вообще-то, говоря откровенно, Джанджигит, несмотря на свою скромность, переходящую в застенчивость, несмотря на свою худощавую, даже в какой-то степени подростковую фигуру, был самым симпатичным парнем в компании. Да что там симпатичным! Красавцем хоть куда!

Своим удлинённым, благородного рисунка лицом он походил на сказочного принца со старинной миниатюры: такой же высокий чистый лоб, такие же густые и податливые темные волосы, шелковистые брови, тонкий нос с дерзкой горбинкой и раздувающимися ноздрями, мягкая щеточка усов и глаза раненого оленя. С некоторых пор было замечено, что на него с интересом поглядывают не только свои девушки, но и русские, и корейки, и татарки!

И вот именно этому писаному красавцу, еще не осознавшему, впрочем, всю силу своей природной притягательности, этому славному, тишайшему и безобиднейшему парню так не

повезло в жизни! Преждевременная смерть его уважаемого отца оставила семью без средств, с большими долгами, а дядя оказались пустыми, никчемными людьми, неспособными наладить даже собственное хозяйство, не то чтобы помочь ближайшему родственнику твердо встать на ноги.

Кто же отдаст свою дочь за представителя семьи, которая не в состоянии устроить свадебное угощение и уплатить калым, будь жених хоть трижды раскрасавец!

Конечно, в газетах давно уже писали, что старый свадебный обряд чересчур обременителен, что нелепо годами ограничивать себя во всем ради двух-трех дней показной роскоши, уж лучше молодым истратить эти деньги, коли они собраны, на обстановку, на обнови, на интересное путешествие... Многие соглашались с этими доводами. На словах. Потому как существовала и другая точка зрения. В газетах о ней не писали, но ее горячо поддерживали многие уважаемые люди, особенно среди старшего поколения. Дорогая, пышная свадьба – твердая гарантия против скоропалительных разводов, залог крепкой семьи, доказывали они. Или вы хотите, чтобы у нас разводов было столько же, сколько у русских? Да и негоже отказываться от обычаев предков. Неизвестно, куда это может завести.

Разговоры разговорами, но свадьбы в Т. всегда проводились по старому обычаю: мулла, пятьсот-шестьсот гостей, достойные подарки для близких и соседей, музыканты с дутарами и карнаями, да и многое другое. А это значит – расходы, расходы, расходы...

Вот почему каждый заботливый родитель сразу же после рождения сына начинал упорно копить на его будущую свадьбу. Не был исключением и уважаемый отец Джанджигита, но коварная болезнь спутала его планы, и все накопления ушли на лекарства, а затем на похороны (которые тоже справлялись с широким размахом), да еще пришлось занимать, и новые долги прибавились к старым, ведь отец Джанджигита еще не успел рассчитаться за собственную свадьбу!

В этом деликатном вопросе друзья Джанджигита сочувствовали как раз самым передовым веяниям, зная, впрочем, что их самих ожидают пышные свадьбы, и не когда-нибудь, а нынешней зимой, вскоре после сбора урожая. Необходимые долги уже сделаны, отцы все подготовили. Не перечить же воле старших!

Ладно! Вот когда они сами станут главами семейств, уважаемыми людьми в округе, тогда уж они позаботятся о более разумных порядках, чтобы на плечи их будущих детей никогда не ложилась тяжелая долговая ноша.

А пока нужно как-то помочь другу. Это ничего, что он повел себя немножко не по-товарищески. Это понятно и извинительно. Это он от неопытности и растерянности. Влюбился, наверное, в симпатичную соседку с глазами, как спелая черешня, и теперь расстраивается, что сыграть свадьбу ему не по карману.

Чудак! Неужели он не слышал о другом старинном обычае, как раз и рассчитанном на неимущих бедолаг?!

Невесту можно украсть, и таким образом избежать расходов на свадьбу! Но такое щекотливое предприятие должно быть тщательно подготовлено, и тут уж не обойтись без верных и надежных друзей. Они готовы стать ему опорой, но ведь он не зовет, напротив – как бы даже сторонится их участия.

А может, его избранница не из своих? Русская?

Некоторое время друзья Джанджигита оживленно обсуждали это предположение. Конечно, нравы русских свободнее: они не платят калым, не спрашивают разрешения у старших, считают в порядке вещей соединиться до свадьбы... Красота их женщин удивительна и разнообразна, но сердце русской красавицы своенравно и остывает так же легко, как и загорается. Семь раз нужно подумать, прежде чем жениться на русской. Подобного примера в Т. еще не бывало. Но ведь до великой стройки и русских здесь было наперечет.

После долгих споров друзья Джанджигита всё же сошлись во мнении, что связь с русской женщиной непременно заставила бы его искать их поддержки, чтобы не остаться один на один со всей махаллей. Но вместо этого Джанджигит ведет себя вызывающе, будто говоря: «Не такой уж я птенчик, каким вы меня считаете!» И откуда только в нем такая гордыня?!

Загадал же загадку Джанджигит!

До поздней ночи не покидали друзья чайхану у трех карагачей, поднявшихся над журчащим широким арыком, из которого, собственно, чайханщик и черпал воду для натужно гудящего самовара. Пиала за пиалой смаковали они янтарный напиток с привкусом желтой глины, привкусом, к которому здесь все привыкли с рождения, и говорили снова и снова о Джанджигите. Все годы их товарищества, которое брало отсчет еще от детских игр, друзья относились к нему покровительственно, как к более слабому, нуждавшемуся в защите, как к сироте, лишенному отцовского тепла. И вдруг оказалось, что этот тихоня обрел собственный голос! Ну, что ж, если он ощутил в себе мужскую силу, то в добрый час!

Вот только напрасно он не делится своей тайной с ними. Они ведь ему не чужие. При этом, хоть и разросся их некогда крошечный городок до размеров крупного райцентра, а всё же утаить что-либо от земляков здесь всё равно не удастся. Друзья не сомневались, что всё разъяснится очень скоро и Джанджигит еще вернется в привычный круг и поведаст о своих душевных заботах.

- Ай, молодец! – согласились все.

4.

Между тем прошло еще несколько дней, а ясности не прибавлялось.

Джанджигит упорно избегал дружеских посиделок за дастарханом. Его синий самосвал не был замечен ни в Сухом Парке – микрорайоне, где большей частью жили русские, ни поблизости Химкомбината, где обосновалось целое поселение корейцев, ни на берегу Затона, где обособленно и замкнуто обитали, будто выжидая заветного часа, крымские татары, сосланные когда-то в эти места. Тихо было и в Старом городе. Правда, один из младших братьев Джанджигита поведал, что за последнюю неделю тот дважды возвращался домой среди ночи, однако это известие ничего не доказывало, поскольку все знали, что дядя Джанджигита пасут чужие отары далеко в степи, и племянник регулярно навещает их, задерживаясь у кошары допоздна, а то и оставаясь там на ночлег.

Но вот прошел слух, что самосвал Джанджигита видели – причем, после заката – вблизи Больших Чинар.

Тут уместно заметить, что в Т. всякое большое дерево являлось своего рода достопримечательностью с собственной историей. Правда, с началом великой стройки ее начальники предприняли поистине титанические усилия, чтобы озеленить город, особенно, его новые кварталы. Специалисты, прикомандированные чуть ли не из столичного ботанического сада, высадили тысячи саженцев, наладили дренажную систему, внесли горы удобрений, но соль всё равно оказалась сильнее, и деревца, пошедшие в рост весной, к осени захирели и засохли. Из тысяч прижились считанные единицы, но и им предстояла еще долгая борьба за выживание на бесплодной, агрессивной почве. Среди пропитанных солью мертвых саженцев и выжженных солнцем сорняков нелепо смотрелись веселенькие скамейки с фигурными чугунными спинками. Потому и прозвали это бесприютное место Сухим Парком.

Но и старые деревья, сумевшие подняться над Т. в былые времена, росли или поодиночке, или небольшими группами, как три карагача у чайханы. И лишь вдоль берега старого канала, где всегда дул свежий ветерок, несколько десятков чинар смогли еще в незапамятную пору дружно пробиться корнями сквозь плотные слои желтой глины и серой соли и найти где-то там, в неизведанных глубинах, настоящую опору с чистой пресной водой. Оттого-то листва этих старых чинар всегда была зеленой как изумруд. Это был поистине благословенный уго-

лок, почитающийся чудом природы на десятки километров вокруг, вплоть до самой долины, и получивший ласкающее слух название Большие Чинары. Всякому понятно, что под их тенистыми кронами могли обитать лишь самые уважаемые и могущественные люди города.

Глава 5

Эге, а не слишком ли высоко нацелился Джанджигит?

Так спрашивали многие, прознав, что парня принимают с задней калитки в доме бывшего управляющего городским промторгом Черного Хасана, того самого, которого нынешней весной приговорили к восьми годам с конфискацией имущества.

Подобно всем другим большим начальникам великой стройки, Черный Хасан не был коренным жителем Т., хотя и принадлежал к титульной нации. Его направили сюда с задачей чрезвычайной важности. Дело в том, что в городке всего-то и имелось каких-нибудь два-три магазинчика, которым более пристало бы называться ларьками, не говоря уже об их вечно полупустых полках. При прежнем укладе жизни такое положение было вполне терпимо. Но после того, как в Т. еженедельно начали прибывать сотни, а то и тысячи рабочих и служащих, включая семейных, с подобным уровнем торговли мириться было нельзя. Черному Хасану как раз и предписывалось наладить сеть разнообразных промтоварных и хозяйственных магазинов для удовлетворения повседневных нужд трудящихся.

Нужно отдать должное: Черный Хасан оказался разворотистым организатором. Начав, по сути, на голом месте, с нуля, он за какой-то год добился того, что в центре Т. поднялся двухэтажный универмаг со стеклянным фасадом и кафе под зонтиками на плоской бетонной крыше. В других оживленных точках города распахнули двери крупные промтоварные магазины и множество мелких лавочек, а за Сухим Парком раскинулась огромная торгбаза с нескончаемыми рядами складов и контейнерных площадок, где день и ночь разгружались автофургоны и трейлеры.

В этот начальный период своей деятельности на директорском посту Черный Хасан жил скромно и одиноко, занимая небольшую комнату в сборном бараке, который считался привилегированной гостиницей для кураторов стройки. Лишь на выходные, да и то не всегда, он укатывал на своей служебной белой «Волге» куда-то в долину, где, по неясным слухам, владел двумя домами и имел двух старых жен. В будни же он работал не покладая рук, вникал во все мелочи и обо всем знал. Никто и никогда не видел его пьяным или обкуренным анашой или же в компании распутных женщин, которые слетелись на запах баснословных заработков даже в эту плохо приспособленную для праздной жизни глушь.

Этот далеко уже не молодой, но все еще крепкий мужчина будто не ведал усталости. И всё выходило именно так, как он замышлял. На следующий год начали строить еще один, уже трехэтажный универмаг – как раз напротив городского базара, причем последний был значительно расширен и благоустроен – тоже благодаря хлопотам Черного Хасана. Внутри новых, поднявшихся, как степные шампиньоны после дождя, кварталов, среди однообразия панельных пятиэтажек, открывались отделанные с иголочки современные магазины – обувные, мебельные, по продаже телерадиоаппаратуры... Народ обживался здесь надолго.

Прозвище Черный пристало к нему сразу же из-за характерной внешности: он был чересчур смугл даже для туземца, его наголо выбритая крупная голова отливала едва ли не гуталиновым блеском, а на мясистой рыхловатой физиономии выделялись густые, будто навешенные сажей брови и темные жгучие глаза. Еще одной приметой, закрепившей за ним кличку, было большое, совершенно черное родимое пятно, расположенное чуть ниже левого уха.

Итак, Черный Хасан. Какое-то время это прозвище употреблялось всеми с оттенком уважительности, ассоциируясь с огромным объемом черновой, черной работы, от которой он никогда не отлынивал в отличие от многих других райсов.

Но вскоре знающие люди заговорили о том, что недаром, дескать, бог шельму метит. Откуда-то стало известно, что еще с прежней работы в долине за ним тянется длинный хвост всяческих грязных (черных) делишек, что будто бы на его совести есть даже загубленные души и что он выплатил немалый бакшиш за свою нынешнюю беспокойную должность.

Э, слушай, разве он мало сделал для нашего города, возражали другие. Посмотри, какие теперь у нас магазины! Какой товар! В универмаге напротив базара висят французские костюмы, в обувном магазине выставлены итальянские сапоги! Когда такое бывало?! Разве тут не заслуга Черного Хасана? Разве не печется он неустанно о новых поступлениях? О нашем общем благе?

Знающие люди грустно усмехались в ответ. Не столько для вас старается Черный Хасан, говорили они, сколько для себя. Ибо с каждого рубля, которым вы оплачиваете покупки, он получает свой доход. В промторге на всех постах сидят преданные ему люди, знакомые с правилами двойной бухгалтерии. А на крайний случай он держит под рукой двух отъявленных душегубов. Помните, прошлым летом в затоне на мелководе утонул начальник контейнерной площадки? Поговаривают, он хотел провернуть какую-то выгодную сделку за спиной Черного Хасана. Вот и поплатился, чтобы другим неповадно было!

Французские костюмы! А сколько ходового, модного и дефицитного товара пускает он в обход прилавков! Сколько направляет окольными путями в долину, где у него остались надежные связи! А разве вы не заметили, что одновременно с сетью магазинов при нем расцвел и черный рынок, на котором прежде у нас продавали один лишь бараний курдюк?!

И это еще не всё! Этот напористый, изворотливый и страшный «благодетель» сумел подмять под себя не только местных раисов, которые стоят перед ним навывтяжку, но и больших начальников стройки, включая присланных из самой белокаменной столицы, так что теперь через его руки, через его волосатые черные лапы, проходят все фонды, предназначенные для передовиков и новаторов, - автомобили, мотоциклы, ковры, импортная мебель, видеокамеры, и, будьте уверены, не меньше двух третей этих фондов он продает по тройной, а то и десятерной цене другим казнокрадам.

А еще знающие люди утверждали, что богатый дом под Большими Чинарами обошелся Черному Хасану практически даром. Местные власти выделили лучший участок земли, который предназначался для детсада, один из начальников выписал стройматериалы, другой предоставил технику, третий – рабочую силу. Дом возвели, трудясь день и ночь, за неполные три месяца – вместе с подсобными помещениями, с кирпичной оградой выше человеческого роста, с фонтаном и большим хаузом, выложенными мраморными нежно-розовыми плитками с серыми и черными прожилками, плитами, завезенными для облицовки Дворца культуры химиков. А вы говорите – скромность! После отделки в дом еще целую неделю везли горы всякого добра – мебель, бытовую технику, ковры, посуду, белье, всё вплоть до туалетной бумаги!

Лишь после этого Черный Хасан отправился в долину за родственниками. Все ожидали, конечно, что он привезет одну из своих семей, а то и обе сразу, но он привез трех своих троюродных тетюшек неопределенного возраста, молчаливых и необщительных, однако, как приметили позже, постоянно грызущихся между собой, а также свою племянницу Мухаббат.

После приезда родственников в доме началась совсем другая жизнь. Что ни вечер – гости, веселье, смех, музыка, шашлык-кебаб, плов с молодым барашком, дыни слаще меда... Всех мало-мальски значимых проверяющих, кураторов, командированных из Москвы или из своей столицы, приглашали сюда непременно, а уж иных принимали, как арабских шейхов...

Казалось бы, ну что может поколебать благополучие Черного Хасана, человека властного, состоятельного и дальновидного?

Но недаром ведь существует поговорка: «Осторожная ворона в силочку боком попадает». А поскользнулся он на тех самых плитах с прожилками. В буквальном смысле слова. Вот как дело было.

Накануне в Т. прилетел очень важный московский сановник. Такой важный, что было бы правильнее написать это с большой буквы – Сановник. Вот так! Утверждали, что в Москве он был свободно вхож в самые высокие кабинеты и мог одним росчерком пера круто изменить судьбу чуть ли не любого человека. Между прочим, в столицу республики Сановник прилетел на персональном самолете, где даже туалет для него был устроен отдельно, – вот какой это был большой человек! А уж из столицы республики в Т. он прилетел на обыкновенном вертолете вместе с бригадой монтажников, поскольку, как рассказывали, не чурался при случае пообщаться накоротке с простым народом.

Вообще, в последнее время Сановник зачастил на великую стройку (хотя мог бы послать вместо себя любого из своих двенадцати заместителей). Это уже был его третий или даже четвертый приезд. По слухам, Сановник интересовался местными обычаями, а уж такой экзотики, как здесь, среди солончаков и барханов, было поискать! И будто бы именно на почве национальной экзотики Черный Хасан сумел расположить к себе эту могущественную персону.

Вот и на этот раз Черный Хасан постарался не ударить в грязь лицом. Для более детального ознакомления гостя с местными обычаями из областного музтеатра привезли самых стройных танцовщиц, а из циркового объединения – самых умелых канатоходцев, фокусников и факиров. По линии же национальной кухни в числе других деликатесов было приготовлено весьма редкое блюдо под названием «имам баилдий».

Вечер удался на славу. Важный гость выпил немного коньячку, отдал должное обильным закускам, с живостью наблюдал за танцовщицами в воздушных цветастых шароварах, чудом державшихся на полуобнаженных бедрах, смеялся анекдотам из жизни легендарного шутника Омирбека... Казалось, Сановник сделался почти ручным...

Принесли «имам баилдий». Пока источающее дивный аромат блюдо разделявали на порции, Черный Хасан объяснил гостю способ приготовления: тушки перепелов шпигуют кисло-сладкими сливами, затем этими перепелами начиняют тушу жирного барашка, всё натирают специями и плотно заворачивают в тыквенные листья, которые аккуратно обмазывают жидкой глиной. Когда последняя подсохнет, всю заготовку помещают в неглубокую яму, а сверху разводят несильный огонь, который поддерживают в течение суток... «Неужели целые сутки?!» – простодушно воскликнул гость. «Двадцать четыре часа! – авторитетно подтвердил Черный Хасан, после чего дал вольное толкование названию блюда: – Это такое вкусное кушанье, такое вкусное, что даже имам, которому предписывается воздержанность в еде, не устоял и едва не проглотил язык от наслаждения! Притом, это блюдо очень полезно для мужчин. В этом отношении оно лишь немногим уступает бульону Улугбека. Знаете, что такое бульон Улугбека? О-о! Это сказка! В следующий раз, когда вы снова окажете нам честь, почтив нас своим высоким присутствием, мы обязательно угостим вас бульоном Улугбека и расскажем о способе его приготовления. А пока отведайте, пожалуйста, «имам баилдий», очень вас просим...» Гость попробовал и тут же закатил глаза: «Ммм... Я думаю, не только имам обалдел бы, но даже – хм...» Он не закончил, но все понимающе рассмеялись, давая понять, что по достоинству оценили изысканно-смелую шутку небожителя.

Беда страшась внезапно, когда Черный Хасан ожидал ее меньше всего.

Стремясь еще пуще развеселить гостя, директор промторга присоединился к танцовщицам, вступив в роль удалого джигита, как вдруг поскользнулся на тех самых мраморных плитках, которыми была вымощена также и площадка для представлений.

Нет, физически хозяин дома не пострадал, но последствия его падения были ужасны.

Всемогущий гость, чье драгоценное внимание доселе было сосредоточено на смуглых пупочках танцовщиц, разглядел внезапно, вот в эту самую минуту, злосчастные мраморные плиты.

Страшно переменившись в лице, он поднялся из-за стола, строго кивнув своим помощникам, находившимся здесь же, и, сопровождаемый ими, в гробовом молчании покинул хлебосольный дом.

Всё прояснилось назавтра. Оказывается, плиты эти были особенные. Их покупали в Италии за валюту специально для Дворца культуры химиков. Мрамор сам по себе был очень редкий, дорогой, по всей стране им были облицованы лишь несколько станций метро в Москве и Ленинграде. На беду, Сановник лично курировал эти поставки, придавая им, по прихоти сильного, некое исключительное значение. Может, он полагал, что Дворец культуры химиков в далеком Т. станет ему своеобразным памятником, что местные акыны сложат хвалебные песни в его честь... Кто знает! Сановника ничуть не шокировали богатые хоромы Черного Хасана, имам баилдий, танцовщицы и канатоходцы, но плиты! О, плиты – это совсем другое дело, это покушение на принципы, на святыни, подкоп под устои! Присваивать дефицитный материал, оплаченный валютой! И кто же осмелился на это?! Местный бай, который и без того купается в золоте! Куда же мы придем с такими аппетитами!

Вдобавок, гость разглядел, уходя, что редчайшим мрамором облицованы также кирпичные стойки ворот, а у забора высится десятка полтора ящиков с драгоценными плитками.

Этот эмоциональный порыв большого человека дорого обошелся Черному Хасану!

Возможно, в другое время дело удалось бы замять, но на беду Черного Хасана именно тогда в недрах высшего государственного аппарата вызрело решение ударить для страха по расхитителям социалистической собственности.

При всей его изворотливости, Черный Хасан не сразу осознал, меж каких жерновов угодил, и до конца надеялся отделаться партийным взысканием. Но на этот раз его взяла за горло железная рука. Верная примета: как ни падка Москва на лесть и подношения, а всё же лучше ее не сердить. Даже по мелочам.

И вот вместо ожидаемого выговора по партийной линии Черный Хасан получил восемь лет с конфискацией имущества.

Знающие люди говорили между собой, будто накануне суда свой, родной, прокурор чуть не плакал у него в камере. Мол, Хасан, дорогой, мы все тебя уважаем, ценим твою честность и порядочность и готовы помогать тебе во всем. Но что делать, если Москва требует?! Пойми, Хасан, и не обижайся на меня. Если там заслышат, что мы определили тебе мягкое наказание, то пришлют сюда другую, свою, комиссию, а что она здесь может накопать, одному Аллаху известно! Пострадают многие уважаемые люди, а тебя это всё равно не спасет, только срок добавит, да еще отбывать его будешь в чужих, холодных краях. Уж лучше перетерпеть обиду, Хасан. Для виду дадим тебе большой срок с конфискацией имущества. Я же знаю, что конфисковывать у тебя нечего, что всё свое имущество ты благоразумно записал на своих тетушек. Зато кичливая Москва будет очень довольна нашей принципиальностью. Так довольна, что быстро про тебя забудет. Подождем с полгода, а там потихоньку начнем пересмотр дела, и не позже следующей весны выйдешь по амнистии. Притом, содержаться будешь недалеко от дома, в хороших условиях, начальник тюрьмы – надежный человек, мой родственник... Свидания, передачи – хоть каждый день! Кушанье будет готовить специальный человек – бывший шеф-повар хорошего ресторана. Всё у тебя будет! Даже сможешь звонить домой из служебного кабинета. Только молчи!

Так волею судьбы процветавший Черный Хасан стал эзком.

Поначалу многие в Старом городе считали, что теперь-то тетушки заколотят дом, наймут сторожа, а сами вместе с Мухаббат переберутся в долину. Но нет, уезжать никто из них не помышлял. Гости в доме, конечно, уже не собирались, но жизнь за высоким кирпичным забором текла своим чередом.

Загадка немного прояснилась, когда стало известно, что освободившееся кресло Черного Хасана занял один из наиболее преданных ему людей, его дальний родственник. Тут уж все в

открытую заговорили, что Черный Хасан по-прежнему руководит своей конторой, только из тюрьмы, а денежки как текли, так и текут в его сундук. Поэтому, наверное, и остались женщины в доме, чтобы держать крышку сундука открытой, да следить, не оскудевает ли денежный поток и все ли указания Черного Хасана выполняются точно и в срок. А что указания были, никто и не сомневался. Примерно раз в неделю, ранним утром, едва солнце показывалось над степью, из ворот дома выезжала белая «Волга», за рулем которой сидела Мухаббат, а рядом с ней располагалась одна из тетушек. Все знали, что они направляются в зиндан, где отбывает свою вину перед Москвой Черный Хасан, и до которого пути отсюда – пять часов быстрой езды.

И вот что любопытно: несмотря на все злоключения, розовый мрамор так и остался в доме Черного Хасана – и не только в виде облицовки хауза, но и как запас, сложенный в ящиках у кирпичного забора.

Глава 6

Подошел черед рассказать о племяннице Черного Хасана.

Конечно, те, кто входил в круг доверенных лиц директора промторга и часто бывал в его доме, могли бы это сделать гораздо лучше нас.

Однако же и простые обитатели Старого города имели достаточно возможностей, чтобы судить о нраве этой своевольной пери.

Одним из излюбленных занятий Мухаббат было носиться на белой «Волге» своего дядюшки по новым бетонным дорогам, лентами опоясавшим город, при этом рядом с девушкой непременно находилась одна из молчаливых тетушек. Уже сама манера вождения выдавала в Мухаббат характер решительный, даже авантюрный. Требовательно сигналив, она без колебаний пускалась на обгон огромных автопоездов, пролетала через оживленные перекрестки на желтый свет. С особым водительским шиком она проезжала по старому мосту над каналом, по тому деревянному мосту без перил, который так не любили даже опытные шоферы, настолько узкому, что с обеих сторон колеса двигались по самым кромкам настила. Но и по этой обрывистой теснине она неслась, не снижая скорости. Должно быть, несладко приходилось ее пассажирам! Надо полагать, тетушки докладывали Черному Хасану о рискованных гонках Мухаббат, но, похоже, тот принимал сторону племянницы, веря в ее счастливую звезду. Было у них что-то общее в натуре. Родня!

А еще Мухаббат любила остановить машину где-нибудь в людном месте, например, у ворот базара, и пройти вдоль рядов туда-сюда, ничего не покупая при этом. Зачем же приезжала? Да себя показать!

А ведь было что показывать, было!

Природа наделила ее белым лунообразным лицом, на котором как бы спорили между собой смеющиеся, искристые глаза и капризно вздернутая верхняя губа. Густые черные волосы, заплетенные обычно во множество мелких косичек, ниспадали до пояса, источая аромат благовоний. А сколько глаз смотрели вслед ее крутым бедрам и легкой походке танцовщицы! Чувствовалось издалека, что она ни разу в жизни не брала в руки кизяк, чтобы растопить тандыр, или веник, чтобы подмести двор. Нарядилась она всегда по восточной моде, в хан-атлас и шелка, самые переливчатые и яркие, и была вся увешана драгоценностями. Трудно сказать, румянила ли она щеки или же это играла ее молодая кровь, зато легко было заметить, особенно в летнюю пору, что она красит хной не только каким ладони, но и ступни своих маленьких ухоженных ног.

Иногда она входила в какой-нибудь магазин, брала там понравившуюся вещь, порой сущую безделицу, а порой что-нибудь дорогое, и, безмятежная, выходила на улицу, даже не удостоив взглядом продавца, который, отлично зная, кто перед ним, не осмеливался и заикнуться о расчете. Однако Черный Хасан, несомненно, был в курсе этих «покупок» и каким-то образом улаживал их позднее через кассу.

Рассказывали также (достоверных очевидцев мы назвать, однако, не можем), что по ночам, когда дом засыпал, Мухаббат выходила во двор, сбрасывала с себя всю одежду и подолгу плавала в хаузе, стенки и дно которого были выложены теми самыми нежно-розовыми мраморными плитками из далекой Италии. Кое-кто утверждал, что раз в месяц, всегда поздним вечером, предшествующим новолунию, во двор въезжал молоковоз и наполнял хауз свежайшим молоком, в котором затем плескалась надменная племянница могущественного Хасана. В том, мол, и заключается секрет ее белой кожи, столь редкой у местных красавиц. Впрочем, мы почти уверены, что эти слухи разносили злые и завистливые языки.

Сколько ей было лет?

Все, кто видел ее, сходились во мнении, что около двадцати двух, ну, может, в крайнем случае, двадцать три. А ведь в таком возрасте восточная женщина должна уже иметь трех-четырёх детей, если только она вполне здорова. Мухаббат же выглядела не просто здоровой – цветущей!

В чем же дело? Как могло случиться, что такая красивая и обеспеченная современная девушка, обладающая завидным здоровьем, до сих пор не имеет своей семьи? И для чего дядя привез ее из благодатной прохладной долины в эту пустынную знойную глушь?

О-о, тут был тонкий расчет!

Все знали, что черный Хасан мечтает взлететь очень высоко и занять мягкое руководящее кресло не где-нибудь, а в столице республики. Но при всех его незаурядных достоинствах сделать громкую карьеру ему мешала принадлежность к захудалому роду.

Должность директора промторга в далеком Т., на краю жаркой пустыни, было пределом дозволенного ему другими влиятельными и удачливыми родами, которые делили между собой верховную власть в республике и зорко поглядывали, чтобы в их тесный круг не затесался какой-нибудь выскочка из низов. Но даже и к этой должности его допустили лишь по той причине, что здесь надо было всё создавать на голом месте, крутиться не покладая рук. Надо было работать. Вот ему и позволили работать. Ему, черной кости. Получится – хорошо, не получится – пусть отвечает за развал порученной работы! У него получилось. Но для элиты он так и остался черной костью. (Между прочим, именно ввиду худой родословной Черного Хасана, столичные раисы даже пальцем не пошевелили, чтобы защитить его перед Москвой. Можно подумать, их домашние хаузы были обмазаны саманом!)

Имелся единственный способ стать для них своим, ровней, – породниться с какой-нибудь влиятельной семьей. А где же и искать подходящего жениха, как не в Т., куда чуть не каждый день наезжали ответственные представители из министерств и главков, большей частью – молодые неженатые мужчины из тех самых вождельных влиятельных кланов! Неужели же ни один из них не пленится столь совершенным созданием, как Мухаббат?!

Вот почему Черный Хасан и привез свою племянницу сюда! Вот почему держал ее в неге и холе, потакая всем ее капризам и не скупясь на расходы! При этом он весьма зорко следил, как бы среди светской сутолоки своевольная красавица ненароком не отдала бы своего сердца какому-нибудь бедолаге из еще более захудалого рода.

Поговаривали также, что Мухаббат уже побывала замужем за одним скромным учителем и что жили они замкнуто у его родственников, детей же не имели из-за болезни мужа. Черный Хасан до поры совершенно не интересовался своей племянницей, которую помнил лишь неказистой девчонкой. Но вот однажды на каком-то семейном торжестве Черный Хасан увидел Мухаббат во всей ее молодой красе, и у него тут же сложился план, как устроить ее судьбу с выгодой для себя. Он добился развода молодых, прельстив Мухаббат будущим богатством, после чего отвел ее к понятливому доктору, который за большие деньги сделал из нее снова девственницу, ибо только девственница может с достоинством войти в хороший дом и окрасить, как подобает, простыни в первую брачную ночь.

Впрочем, иные утверждали, что мужем красавицы был никчемный тип, наркоман, слабосильный мужчина, по причине чего она не смогла иметь детей. И будто бы жили они в нищете, пока однажды муж, тративший на зелье последнее, не умер от передозировки. Вот тогда-то, тронутый красотой племянницы, Черный Хасан пообещал устроить ей безбедную жизнь.

Так или иначе, все слухи сходились в одном: Мухаббат побывала замужем, но теперь, благодаря искусству умелого и неболтливого доктора, вновь обрела девственность, которая должна помочь ей войти скромной, невинной невестой в любую влиятельную семью.

Что же касается Черного Хасана, то он, готовый выполнять любой каприз племянницы, вместе с тем строго требует от нее полного воздержания в известном вопросе. Более того. Каждый вечер, перед сном, в доме под Большими Чинарами выполняется некий ритуал: Мухаббат осматривают все три тетушки. Именно три, потому что Черный Хасан не доверяет ни одной из них в отдельности, зато доверяет их общему согласованному мнению, зная, как они враждуют между собой, и умело поощряя эту вражду.

Любит ли Мухаббат своих тетушек, которые каждый вечер ехидно удостоверяются в ее непорочности? Подумайте сами. А любят ли тетушки свою подопечную, которая во всем остальном пользуется такими правами, о которых они и мечтать не смеют?! Наверное, спят и видят, как их палец проходит насквозь, не встречая нежной преграды...

Такая вот семейка обитала в богатом, переполненном всяким добром доме под Большими Чинарами.

Всего в этом доме - до ареста Черного Хасана – Мухаббат прожила около полутора лет. Десятки, если не сотни гостей, почти все из знатных родов, были приняты здесь за щедрым дастарханом. Но где же улов? Отчего в хитрые сети не попал ни вельможный сом, ни солидный усач, ни жирный жерех? Что-то не слышно было о сватовстве, о подготовке к свадьбе. Но нельзя и поверить, что никто не примечал такой девушки. Ведь Мухаббат к тому же замечательно пела, аккомпанируя себе на комузе, и часто выступала перед гостями, которые награждали ее пение одобрительными криками, слышными во всех концах Старого города.

А может, обуянный гордыней Черный Хасан слишком привередничал, метил чересчур высоко? Как бы ему не прогадать, как бы не упустить момента, ведь и самая пышная роза, в конце концов, увядает.

Неведомо, что думал по этому поводу Черный Хасан, ибо своими планами он никогда и ни с кем не делился, но никто в Старом городе не сомневался в том, что, даже сидя в зиндане, он продолжает плести сеть каких-то сложных интриг, и Мухаббат в его игре является одной из ключевых фигур, а может, и самой важной.

И вот, на пятом месяце его отсидки, пошел гулять слух, что в дом под Большими Чинарами проложил тайную тропку Джанджигит – неимущий бедняк из самого захудалого рода, весь в долгах по самые уши!

Глава 7

Чего только не говорили люди!

Будто бы во всем виноваты тету

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.